

Алексей Полевой

Драконодав

0+

Алексей Александрович Полевой

Драконодав

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64336867

SelfPub; 2021

Аннотация

Слуга герцога, занимающийся утилизацией убитых сюзереном драконов, путешествуя по дальним странам, был по ошибке произведён в рыцари. Возвращаясь к герцогу, новоиспечённый рыцарь совершает подвиг, затем его призывает король, в на турнирах и в битве наш герой проявляет себя, изменив ход проигрышного сражения. Далее барону предстоит стать корсаром и вместе с сарацинскими пиратами прервать снабжение северных замков королевства, захваченных островитянами. Затем, победив в морских сражениях, барон помогает обрести новому королю островитян корону. Рыцари, алебарды, пикинёры, пушки, мушкеты, главный герой становится предвестником заката рыцарской эпохи и началом эпохи.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	45
Глава 6	56
Глава 7	74
Глава 8	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Алексей Полевой

Драконодав

Глава 1

Дракон есть богопротивная бестия, презрительно опасная, для победы над тварюкой, нужен добрый рыцарь или несчётное число умелых простолюдинов.

Трактат «Устав драконоборца»

Есть волкодавы, а есть драконодавы. Каждому стезя дадена свыше, так святой отец говорил. Но упаси вас Святая Клотильда благородного рыцаря навеличить драконодавом, мастер Гаспар услышь такое, запросто может выпороть у позорного столба. В Ренье на ярмарке стражник рассказывал, как его светлость де Жераньон заборол дракона, отцы города вышли его встречать с богатыми подношениями и сделали непростительную глупость, назвав герцога драконодавом. Его светлость сказывают так опечалился, что приказал весь магистрат утопить в мешках и поделом, рыцари они драконов убивают, а драконодавы – дают. Это же любому деревенскому олуху известно. Я при нашем герцоге и состою дра-

конодавом, вернее как состою, просто некому больше этим промышлять, а старый Жак помер аккурат на Сочельник, в год, когда король наш жениться изволил. У Жака учеников не было, а сыновьями тоже Господь обделил, три девки только, Жаку-то я помогал иногда драконов давить, когда оруженосцам не прислуживал, дело-то не хитрое хоть и страшное. Сколько себя помню, состоял при оруженосцах. Отец мой хорошим другом городского начальника стражи был, а мастер Анри большой человек, он-то меня сызмальства к оруженосцам на посылки определил, да иногда учил копью и мечу, как напьется. Жалования мне не платили, но спал в конюшне, да кормили почти каждый день, даже на праздники одёжа перепадала – красота. Вот и повелось, как Жак помер – его светлость дракона заборет, а я давлю, иногда мне целую серебряную денежку герцог миловал, правда, иногда плетью доставалось. Но герцог у нас добрый, редко дубасил, больше на мечех заставлял против себя биться, когда оруженосцы уставали, говаривал, что как барон из провинции мечем орудую, хорошо дескать. Драконов у нас много было, денежек набралось, я даже посвататься хотел к дочке замкового сапожника, с приданым, если считать дом куплю, а тут как назло, приключилась история.

Началось, как все несчастья с бабьей дури – жена троюродного брата возьми, да захоти к родственникам наведаться. Сама она с юга, там староста учил людишки шерстью покрыты и хуже зверей всяких, жена у кузена правда только

с небольшими усиками, остальную срамно не видел, может шерсть где и растет. Забоялся кузен ехать в края дикие и позвал меня с собой, обещал кормить в дороге и новые башмаки как вернемся. Его светлость уехал к его величеству, поэтому драконов пока давить не надо, согласился я, собрали они возок и поскрипели на юг. Жена у кузена злая, носатая, готовила плохо, мяса вообще не захватили, пустая каша, даже солить поскупилась, а хуже всего суп из капусты. Дней через десять совсем живот подвело, а ехать еще столько же, думал бросить их, правда, больно места дикие. Вот и приключилось со мной в диких этих местах история.

Лошадка трусила, возок скрипел, жена ворчала на кузена, я дремал на козлах. Тут слышу посвист, такого даже сокольничий его светлости не позволял себе, выскочили на дорогу люди с дубинами, да ножами, баба визжит, кузен трясется весь. Ну, разбойнички, дело привычное на дорогах, только с оруженосцами его светлости даже весело погонять воров, а тут одному против шестерых управиться бы. Соскочил я, вытащил из соломы посох и бросился на разбойника, что дорогу лошади заступил, думаю уважу его по голове дубьем, он кобылку отпустит, мы и укатим себе поздорову. От души приложил разбойничка, тот за ухо схватился, отмахнулся от двух увальней, они в канаву свалились. Только я приготовился запрыгнуть на возок, как вижу: уехали и меня бросили, жена эта лошадедку нахлестывает, кузен кому-то грозит кулаком, а я стою в облаке пыли с шестью разбойными лю-

дишками. Был бы кистенек хоть, а так получил я дубиной по рукам, да кулаком добавили, ручищи сорвали одежду, жалко портки, новые почти, только на Пасху достались. Даже крест нательный отобрали, олова тут не водится что ли? Вижу, главарь размахнулся ножиком, видать порешить меня задумал, да только из чащи рев донесся, мне-то рев знакомый, так помирающий дракон орет всякий раз, но видать разбойники совсем дикие попались, побросали они дубины и в лес подались. Правда, одежду мою прихватили.

Пошарил я по дороге, кроме дубин только гербовая накидка осталась, в грязь втоптали. Мне, когда в свите бывало ездил, его светлость велел накидку с гербом надевать, чтобы оруженосцев больше издали казалось. Я её захватил, подумал пригодится в странствиях, глядишь скажусь человеком его светлости, так бить не посмеют. Вот и пригодилась, так в одной накидке, босой и с дубиной побрел на рев, авось там благородный рыцарь найдется, как-нибудь договорюсь с псарями или слугами, может портки какие дадут, бывают же хорошие люди. Только подходя стал понимать, что с добрыми людьми в этих краях совсем туго – воняло сильнее с каждым шагом, а всякий знает, раз воняет, значит дракон близко. Но только драконодавы знают, что ежели воняет как сейчас, значит дракон рыцаря с конем проглотил, от лошадей у драконов несварение случается, совсем не такое как от рыцарей или коров. Что-то Жак говорил мудреное, ему сам мессир звездочет в книгах искал: метеоризмус и деареус или как-

то так, я понял только, что дракону коней есть не стоит, как молоко с яблоками, худо будет. Этот видать молодой дракон и глупый, что в такой глуши взять, тут и драконы дикие, у нас ни один дракон лошадь кушать не будет, даже мула, ну с голодухи осла проглотит, так тоже мучается будь здоров.

Вышел через буреломы на небольшой каменный пяточок, так и есть: лежит бедный дракон, глаза потухшие совсем, живот бурчит, воняет хоть святых выноси. Из пасти торчит плюмаж, на груди чешуя потускнела, глушь, а смекнул рыцарь проглоченный, из последних сил мечом проткнул сердце изнутри. Герцог сказывал, что если дракону суждено тебя проглотить, должен меч сохранить, если рыцарь ты справный и отплатить чудовищу, вот и лежали дракон и рыцарь в последнем объятье. Да еще лошадь эта, ух, воняло страшно, даже глаза слезились. Порыскал я вокруг, свиты, похоже у рыцаря не было, может принято у местных деревенщин его милость одного в лес отпускать без сокола линиялого, собак и хотя бы полтора десятков оружной челяди. Одно слово, дикари.

Ну, раз никого в округе не сыскалось, полез я в пещеру, меня-то в пещеры драконовы не пускали никогда, чтоб не спёр самоцвет какой, только герцог с казначеем ходили. Вот, забрёл я в пещеру, где воняло чуть лучше, чем снаружи. Особенного ничего, кости, дерьмо повсюду, доспехи и сбруя разбросаны везде, рыцари видать совсем убогие тут, не чета нашим. В углу соломы набросано и шкур, что-то вроде гнез-

да, Жак сказывал там чудовища хранят богатства, ох, сердце у меня забилося, пока копался в истлевшем мехе, да засохших драконьих какашках. Но отыскал сперва цепь золотую, потом целый кошель с дукатами да камнями, малую баронскую корону с двумя красными камешками, а потом целый мешок серебряной посуды. Бедный дракон оказался, его светлость говорит один дракон может камней насобирать, что герцогство поменьше купить можно. Ну, что с глухомани такой взять, какие места, такие драконы.

Вынес я мешок наружу, ветками засыпал, чтоб, если слуги сыщутся, не отобрали. Дракон как раз дошел, вонять стало еще сильнее, значит желчь пришла в движение и дракон готов к давке. Скинул я накидку, вздохнул, что инструмента нету, но искал, нашел подходящий колышек, обрывок ремешка, камень, да острую щепку. Перекрестился, попросил Святую Клотильду хранить меня от всяческих ужасов, как она это обычно делает и подошел к дракону. Двумя руками еле поднял веко, зрачок закатился, жилки посерели, верный признак, что поспел дракон. Открыл ему пасть дубиной, сломал, правда её, но успел вставить колышек, пасть осталась открытой, привязал я ремешок к колышку и ещё раз помолился святой заступнице. Глубоко подышав, хотя вонь стала нестерпимой, я, задержав дыхание, полез в пасть подышающему дракону.

Голому лезть к дракону в горло привычно, хотя и премерзко. Глотка у него шершавая, то локоть обдерешь, то колено,

а еще все в слюнях драконьих, они в рану попадают и жгут похлеще зимнего вина. Да ещё дышать нельзя, воздух тут отравлен испарениями чудовища – один вздох и конец. Но вот рукой нащупал пустоту и залез в желудок, сразу голой пяткой попав в шип на доспехе рыцаря, порез обожгло, как водится, зато сразу наткнулся на мешок с огненным зельем. Драконодав потому и драконодав, что берет мешок с огненным зельем, откуда пламя драконье происходит и давит его. Давить надо сильно, а то ничего не получится. Хорошенько сдавив мешочек, прокалываем его щепкой и быстро-быстро лезем дальше, главное не запутаться в кишках, там много всячины может оказаться, да и конь где-то там застрял. Но вот рука привычно наткнулась на гладкую поверхность желчного пузыря, его тоже надо сдавить, а потом он прокалывается той же щепкой и тут начинается самое трудное. Если желчь с огненным зельем смешается, дракона раздует и в образовавшемся пламени сгорят все внутренности, а шкура останется. Когда выпускаешь желчь, воздуха в собственной груди уже не остается, сердце стучит как колокол в соборе Святой Женевьевы, а еще надо успеть дернуть за ремень, чтобы пасть захлопнулась, да в желчь не попасть. Голова в тумане, куда ползти становится непонятно, главное не паниковать и двигаться поперек ребрам в брюхе чудовища. Вот, наконец, когда уже, кажется все, конец, рука вырвалась из тела проклятого чудовища и надо быстро двигаться наружу. Первый глоток воздуха лучше всякого вина, но расслабляться

нельзя, сейчас смешаются жидкости, только успеваешь отскочить от дракона, заткнув ему камнем проход под хвостом, чудовище уже надувается. Вот и сейчас, дракон, сверкая золотой шкурой превратился в шар, полыхнул так, что даже сквозь шкуру стало видно пламя и опал вниз, став плоским. Теперь шкуру можно сворачивать в рулон на манер ковра и вешать в пиршественной зале, а можно как его светлость сапоги шить, да щиты обивать. Очень крепкая у дракона шкура, все королевство завидует его светлости, он больше всего драконов забарывает, один раз троих за день поубивал.

Вонь исчезла, ветерок принес запахи леса, птички ожили, защебетали. Счистил я засохшие драконовы соки и полез в ручеек отмываться, глины набрал и долго тер себя всего, правда вонять будет целый день, как не мойся, ну, дело привычное. И тут вышел на полянку конь, да не просто конь, а рыцарское благородное животное, паршивое конечно, видать уже немало дней на траве одной сидит, да седло не снимали. Грива не чесана, мундштук рот поранил, в репьях весь, а за ним лошадка поменьше с выючным седлом и мешком. Осторожно подошел к животине, они доверчиво дались в руки, я их стреножил, расседлал и порывшись в торбе на выючной, насыпал им овса, лошадки захрустели зерном, благодарно помахивая хвостами. Ну, когда дракона забарывают, всегда много добра отыскивается, что от прошлых рыцарей остается. Случалось и лошадей и порой девиц находить, оружия просто горы, только ржавое и поплавленное, я однажды

кинжал нашел и не сказал Жаку, затем продал на ярмарке и почти год мог выпивать по праздникам в корчме.

Свернул я шкуру, порыскал в груди доспехов, вообще-то, если меня в доспехах поймают, то повесят на площади, однако если голому в город идти, еще вернее повесят. А так, накидку нацеплю, скажу оруженосец его светлости, узнаю, что тут к чему и домой, сразу-то уехать нельзя, если вдруг обнаружится хозяин коней или рыцарь с претензией на драконову шкуру, отыщут меня и у его светлости. А герцог все едино повесить велит. Надо ехать в город, там, скорее просто шкуру отберут и по шее накостыляют, но в доспехах, да с накидкой его светлости может даже хорошо встретят, наглее просто надо вести себя с этой деревенщиной. Нашел кольчугу не сильно ржавую с поддоспешником, рукавицы фехтовальные, поножи, наплечники и неплохой шлем, щитов оказалось много, только все с гербами незнакомыми, один даже сарацинский вроде. Выбрал один, хороший, герб отодрал песком, что считается воинским преступлением, так где ж тут воинов-то взять. Только портков совсем не было, на вьючной лошади торба с овсом, кресало и котелок. На боевом коне меч нашелся седельный, запущенный правда, но почистить и сгодится, меч хороший, простой, неприметный, такой в любой кузне прокуют. Конечно, на пояс прилаживать ищи дурака, но к седлу приторочить, очень хорошо получится. Почистил коней, раны смазал соками драконьими, хорошее средство целебное, если в воде развести и коры дубовой

растолочь, надел поддоспешник с бронями, ноги от колена нагими остались правда, но в сарацинских землях сказывают и так ходят. Заседлал коней, шкуру с трудом поднял на вьючную лошадь, тяжело ватой одной нести, но делать нечего, не боевого же коня на срам подвигать. Вскочил в седло и направился в город, что лежал, по словам поганой кузеновой жены в двадцати лье.

Городами они тут называют деревни всякие, прости Господи. Ни стен толковых, только частокол кривой, ни площади городской справной, кругом стоят телеги, с них и торгуют, замок господский низенький, пошарпанный, одно слово дикари. Городишко оказалось назывался Задебради или что-то в этом роде, стражники у ворот странно поглядели на шкуру дракона, но ничего не сказали. Даже цепляться не стали, у нас и лошадь бы отобрали, не говоря про шкуру, а тут покрикиваю на них, они только усы крутят. По-нашему разумеют слово через десятое, еле добился, где постоялый двор находится. При деньгах-то меня на постой определяют в лучшем виде, мешок с остальными богачествами я в лесу оставил, не дурак ведь, даже его светлость говорил, что дуростью меня господь обошел. Лошадей-то может со шкурой отберут, но если пытаться не станут, то про мешок я им ничего не скажу. С собой взял один золотой дукат, его на полгода жизни безбедной хватить может. Постоялый двор нашелся в мешанине узких улочек, с грязью непролазной коню, не то, что человеку. Двум конным на иной улочке и не проехать, не то, что

богохранимый вольный город Нетъень, где две телеги проедут и каменные мостовые от рыночной площади ведут. Дикари, одно слово.

Глава 2

Эти провинциальные бароны не благороднее моих собак!

Король Франциск IX

Хозяин странноприимного дома почесал в затылке и, поверкая слова спросил платить чем буду, я ему показал золотой и хозяин надолго замолчал, только беззвучно открывая и закрывая рот. Он заявил, что в хороший месяц у него выходит вполовину меньше и сдачи дать не сможет. Навеличивая меня благородным рыцарем и косясь на шкуру, он посоветовал уважить святых братьев, где можно поменять дукат на серебро и медь, а он пока приготовит лучшую комнату и коней пристроит. Вытянув во дворе ноги и прихлебывая отличный холодный эль, я вздохнул спокойнее. По словам суетившегося в предвкушении оплаты может даже серебром хозяина, на дракона кроме благородного рыцаря Ижи, претендовать никто не мог. Дракон, сказал хозяин, еще при его отце терзал округу и многие рыцари пытались его забороть, но тщетно. Благородный Ижи из Светляны поклялся забороть чудище, если местный граф Бжезняк отдаст за него дочь-красавицу, однако уже десять дней о рыцаре слуху нет, правда и дракона не видели. Сдается проглоченный драконом и

был этот Ижи, на покореженном щите валявшимся у пасти чудища три белые чайки в лазоревом поле – цвета Ижи, как пояснил словоохотливый корчмарь. Все эти местные сплетни я слушал, обгладывая очень приличных размеров свиную ножку, запивая местным элем, который был не чета нашему. Дело было к вечерне, пока лавки не закрылись портки надо отыскать. Видимо все неплохо идет, подумал я, но через весь двор пала косая тень от десятка стражников, капорал ростом как пожарная каланча с налитым кровью шрамом шагнул ко мне и свирепо уставился. Похоже, все оказалось много хуже, чем я даже представлял себе.

– Твоя милостьвость, – рявкнул он басом, коверкая слова неимоверно, – благоволяй следоват за знами, сиятельство изволиват говори з тобье.

Прикинув, что если бы меня решили вешать, то стражники скорее потащили бы меня на пытку, а не к графу. Хотя кто их дикарей разберет, вон они шкуру взвалили кряхтя на плечи и потащили куда-то. Порядки у них наверняка не сильно отличаются от наших, если льстить графу, да отдать все, что потребует, может поркой отделаться получится. На улочках жители испуганно косились на процессию, разбегаясь от грязных брызг летевших от не разбирающих дороги стражников. Показались ворота цитадели с поднятой решеткой и опущенным мостом, ни ловушек, ни бойниц внутри проезда, не умеют тут строить, его светлость взял бы этот городишко даже без осадных орудий, силой десятка копий. Двор тоже

оказался маленький, едва лестница поместилась, мы поднялись по ней и оказались в небольшом зале, там, на резном кресле восседал седой рыцарь в графском венце и отороченном мехом плаще. Он со скучающим видом ел вишни и стрелял косточками в слугу, державшего блюдо, стражники поклонились, бросили шкуру на пол и оставили нас, что было добрым знаком.

– Кто ты, благородный рыцарь? – неожиданно крепким голосом сказал вельможный старик, весьма чисто выговаривая по-нашему, – как победил чудище?

– Ваше сиятельство, благородный Бжезняк, я всего лишь скромный драконодав герцога де Шерентье, – начал я учтивые речи как советовал при общении с господами трубадур, гостивший у нас в замке, – я лишь давил дракона, убившего благородного рыцаря Ижи.

– Ижи погиб? – судя по радостному тону, барон рыцаря явно недолюбливал, – а как же ты задавил дракона?

– Обычно, руками, ваше сиятельство, – пожал я плечами, не в силах поверить, что граф не знает таких простых вещей, – мы пробовали по совету мессира давить драконов щипцами, но получалось хуже, его светлость повелел давить руками.

– Руками?! – казалось граф был поражен, – и сколько же драконов ты задавил?

– Две полные руки и еще три штуки, – загибая пальцы и напрягая все познания сказал я, – его светлость часто желает

развлечься.

– Немыслимо, дьяволов хвост и копыта! – вскричал граф, но увидев вошедшую благородную госпожу и сопровождавших ее дам воскликнул, – посмотри на этого рыцаря Агнешка, он руками задавил тридцать три дракона! А мы тут с одним справиться не могли.

– Прошу прощения за дерзость ваше сиятельство, – поклонился я, стараясь пояснить старику как он заблуждается, чтобы потом не сильно злился когда выяснится, – я не рыцарь, лишь иногда замещал оруженосца герцога, когда того порвал на охоте вепрь.

– Не рыцарь?! – воскликнул граф, – вот это герои – оруженосец давит драконов! На колени!

Я покорно опустился на колени, недоумевая, что со мной сейчас будут делать. Склонив голову я приготовился к худшему, разберешь этих дикарей, еще какие непотребства удумают, колени уперлись в острые камни пола, сквозняк холодил внизу, портки-то добыть не удалось. Вытащив меч, граф трижды ударил меня по плечам, крепкий рукой старик оказался, плечи заныли, граф произнес слова и прежде чем я успел что-то сказать или понять, стал опоясанным рыцарем.

– Встань рыцарь, – радостно улыбаясь, хлопнул меня граф по щеке слегка рукой, хотя куле – единственный не возвращаемый рыцарем удар бьют наотмашь, – дочь я тебе не отдам в жены, но племянницу Марию, с радостью, завтра свадьба.

Одна из дам охнула и прикрыла рот ладошкой: дочь зам-

кового сапожника конечно деваха была хоть куда, большая, с крепкими руками, но дева, указанная графом, статью не уступала супруге его светлости, я на такую глаза-то поднять побоюсь. Волосы как у норманнов светлые, косы толстые, стан точеный, глаза зеленые, моё сердце забилося как бешенное. Конечно, работать по дому она не обучена, но зато какая красавица, хотя, первый же благородный такую отберет, пронеслась лихорадочная мысль. Постой-ка, одернул я себя, ты же сам теперь можешь делать, что вздумается, тебя даже его светлость высечь не может, только голову отрубить и то с разрешения короля. О-ля-ля. Годфрид из Саржа, похоже ты родился с серебряной ложечкой во рту, отца староста ругал сколько лет, что дал простолюдину благородное имя. Даже если граф поймет свою ошибку, отобрать серебряные рыцарские шпоры может только король. О-ля-ля.

Оставив дев рыдать на плече довольного собой графа, я отправился в город. Видать не только Ижи, но и Марию граф недолюбливал, оттого сплавил ее первому встречному-попечечному. Шкуру оставил графу как подарок, все равно тащить ее одному не получится. Меняльная лавка располагалась в монастыре и уже закрывалась, но увидев в темнеющем переулке блеск кольчуги, монахи открыли, монахи-то они монахи, но статью и доспехами брата не уступят самими настоящими рыцарями, поскольку это был воинствующий орден. Молча крепкие монахи с крестами на плащах проводили меня в помещение, где за столами заваленными

монетами сидели толстые монахи в засаленных рясах. Они долго кусали золотой и подозрительно смотрели, однако споро отсчитали кошель с медными монетами и столбиком серебряных, даже предложили своих провожатых до постоянного двора. Говорили по-нашему они бойко, видно часто к нам случались, вон и вино наше стоит – приметный бочонок, да и пятна на рясах совсем как у наших святых отцов. Спросив где можно найти портного, я направился к нему, лавка тоже оказалась закрыта, однако звон серебра способен раскрыть ворота даже неприступной крепости, а не лавки. Хозяин за пару медяков продал мне портки и рубаху, поохал, но предвкушая барыш радостно обещал к утру, но уже за серебро, сшить рыцарские одежды, которые не стыдно надеть на свадьбу и барону. Я помнил одежду богатых рыцарей, когда они приезжали к его светлости, только заказал еще меховую оторочку, должно получиться красиво. За все запросили такие гроши, что даже не верилось. Сапожник оказался другом портного и по-нашему вообще не понимал, к нему тоже пришлось стучать, все кулаки обил о ставни. Монеты открывают сердца, как говаривал его светлость, сапожник к утру обещал сапоги доставить. И пояс рыцарский у него нашелся, к утру и его обещал подогнуть. Уже освоившись и покрикивая на припозднившихся слуг с корзинами, по чистому звуку железа я нашел искомое, кузнец всюду звенел, пока молотобоец ему взглядом не указал на меня. С трудом поняв мои кривлянья, поскольку нашего совсем не разумел, мастер кив-

нул и покопавшись на полке извлек настоящие посеребренные шпоры, уступив их совсем за бесценок, он встал опять к наковальне. Добравшись в странноприимный дом, я упал на солому и уснул со счастливой улыбкой до конца не веря случившемуся, снился мне дракон, улыбавшийся во все свои сто три зуба. Жуткое зрелище.

Наутро разбудил меня посыльный из лавки, вернее их под дверь собралось целых три, но корчмарь велел им сидеть тихо, ждать покуда проснусь. Видать серебряная монета, что, по словам герцога, хорошая цена за день постоя, выплаченная хозяину вперед, сделала его почти моим единоутробным родственником. Обновки пришлишь впору, роскошный плащ с меховой оторочкой, камзол с галунами, замшевые портки, сапоги, берет с пером, даже чуть больше баронской длинны, но в пределах приличий. Когда все это роскошество, пахнущее еще мастерской заботливо натянула на меня служанка, показалось, роскошнее даже король не наряжался, вдохнув запах чистой одежды и позвеневав шпорами, я остался собой доволен. Было даже лучше, чем когда в детстве святой отец раздавал сладкие леденцы. Оседланный конь, понес меня в замок, где в полдень местный граф отдаст за меня, простого драконодава свою племянницу.

Собор торчал из лесов, похоже, они его уже сто лет строили и еще восемьсот собираются строить. Заплаканная невеста, увидав меня и поглядев свежим взглядом, вроде успокоилась, вчера-то, кое-как отмытый, без портков я, наверное,

казался вроде этих диких кнехтов с севера, что приходят на-
ниматься в голодное время. Звеня шпорами и стараясь не за-
девать всех мечем, я под руку повел её к алтарю, службу вёл
целый епископ, правда, сильно побитый молью, он быстро
и сноровисто пророкотал латынью. Я вторил ему от всей ду-
ши, вызывая странные взгляды прихожан, видать тут латынь
не в чести была. Вот попробовали бы они у нашего святого
отца не заучить псалмы – живого места на спине и пониже от
посоха не останется, что-то у священника нашего с головой
было, бродил в нем дух неуёмного просвещения. Даже его
светлость читать выучил, говорят и король латынь разбирал
с пятое на десятое, а тут половина челяди по складам читала
сносно. Ну, служба закончилась, венчание состоялось, вы-
шли мы из собора. Думаю тут и начинается самое веселое –
гулянье как на свадьбе у барона из северного предела, тогда
неделю даже собаки сытые ходили, но нет, похоже тут свои
порядки.

– Отправляйтесь своим путем рыцарь Готфрид, – пере-
крестил меня Бжезняк и как-то так бочком стал теснить к
лошади.

Глава 3

Не о конях, ристалищах и славе, Скажу о мудрости и добром нраве. Враг твой – в тебе; он в существо твоём, Зачем другого числишь ты врагом?

Саади

Ну, думаю, видать, принято тут выпроваживать сразу после венчания. Агнешка сунула Марии в руки корзинку с какими-то тряпками, как оказалось приданым, но забрала венчальную накидку, ожерелье и перстни. Вот не зря староста рассказывал, что странные тут люди живут. Мне дали рулон драконовой кожи, судя по всему топором от брюха кое-как отрубили – там она самая мягкая, ну, спасибо, уважили, мою же шкуру и то малый кусок задали. На сапоги конечно и обтяжку щита хватит и то ладно. Подсадил я супругу на коня и двинулся к постоялому двору, супруга по-нашему что-то вроде понимала, говорила довольно сносно. Думаю, пока не приключилось тут каких еще странностей, поеду ка я здорову домой. Хозяин странноприимный огорчился, что уезжаю, но быстро собрал дорожную снедь, послал мальчишку за мешками и прочей дорожной снастью. Только я хотел заседлать под себя выючную лошадь, как во двор втиснулись

конные рейтары, ну, думаю, пришел конец, передумали, все отберут и само собой повесят.

– От бургомистр подарунок вайшему благородствию пожаловайт – конек под седлом, – улыбаясь, показал справного коня молодой капорал, сально пялясь на Марию, – нам казать сопроводить до границы и ещё едний день.

Печальный хозяин двора, не получавший никогда даже за неделю постоя серебряного, с сожалением глядел нам вслед, а мы побыстрее выбирались из города. Уже звонили полдень, значит, стоит поторопиться, чтобы засветло добраться до мелкого поселения, где как я помнил, можно было заночевать. Мария в седле на рыцарском коне держалась вполне сносно, жеребец дареный оказался норовистым, потому видать и задарили. Он то пробовал сбросить, то кусал выючную лошадь, то пригнув уши прыгал на всех четырех копытах куда не попадя, не пропускал и каждый придорожный куст. Правда у его светлости рыцарских непослушных коней хватало, а когда конюхи перепивались, мне и седлать приходилось и ездить на водопой. А как ездить, ежели животину не укротить – боевой конь это зверюга похлеще волка. Вот дареного конька я муштуклом да шпорами поучил после каждого озорства, из седла выбить себя не дал, хотя ржавшие поначалу рейтары только охали нашим прыжкам. Почувствовав, что баловать ему не дадут, жеребец скис и спокойно зарысил по дороге. Рейтары поняв, что потехи поглядеть, как новоиспеченный рыцарь летает в канаву из седла

не получилось, нашли себе другую забаву, покручивая светлые усы, все старались героически выпятить грудь перед Марией, но она не обращала внимания на их удальство. И тут путь нам преградили все те же давешние разбойники, отчего рейтары сгрудились в кучу и даже попятнулись, удальство куда-то сразу делось. Нас было конечно вполонину меньше разбойников, да у них луки, но поквитаться очень хотелось – у их главаря были мои перепачканные уже травой портки. Освободить портки из вражеского плена – первая заповедь каждого хоть сколько-нибудь благородного рыцаря.

– Вперед собаки! – вскричал я, как всегда кричал перед боем его светлость, вытаскивая меч и пришпоривая коня, – я хочу их головы!

Завидев как я атакую, кони рейтар обученные строю тоже понесли своих седоков на разбойников, но те их придержали, на что разбойники заржали, выкрикивая всякую похабень. Оглянувшись, я недобро посмотрел на сопровождение, натянул шлем на глаза, прикрылся щитом и пришпорил коня, нагло ржавшие разбойники, вопящие ругательства сначала замолчали, а потом стали недоуменно переглядываться. Видать рейтары тут были не чета нашим, большим любителям погонять разбойных людишек, а рыцарей стоящих похоже вообще не видели – его светлость всегда говорил, что если ты не станешь атаковать даже в безвыходной ситуации, шпор серебряных не достоин. Да и как-то отступать перед дюжиной сброда не с руки, когда у тебя в руке меч, пусть

я рыцарем стал пол дня назад. Уверенно направляя коня в гущу неприятеля, я продолжил атаку. Пара несмелых стрел пролетела мимо, одну я принял на щит, она бессильно упала слегка ткнувшись в сталь медным жалом, рейтары увидев, что ужасные разбойничьи стрелы не страшны, заорали что-то и тоже пришпорили лошадей. Разбойники заметались беспорочно и тут мой жеребец врезался в их толпу, сбив грудью нескольких, отменный конь оказался – кусался и лягался как тысяча сарацинских дьяволов – видать из рыцарских настоящих коней, непонятно как только затесался в бургомистровых конюшнях. Мне досталось по ноге копьем, по руке дубиной, но тут подскочили рейтары и дело пошло веселее, молодые ребята разгорячились, видать впервые сцепились по-настоящему, азарт совсем забрал страх. Мелькали сабли, пики находили своих жертв, миг, другой и только пятки разбойников сверкали вдалеке. Да, по правде сказать, из дюжины едва трое утекли, досталось им надо сказать хорошо, бежали зажимая глубокие раны, остальные потоптанными и порубленными лежали на дороге, слегка подергиваясь. Подъехала Мария, брошенная нами в пылу атаки, но с ней оказалось все в порядке, она с омерзением смотрела на останки разбойников и одобрительно на меня. Рейтары готовы были теперь скакать в лес на преследование, но я не пустил, оставив перевязываться, мелких порезов набралось изрядно. Я сам, вызвавшись разведчиком, поехал вперед. Опасности никакой, разбойники наверняка уже добежали до границы соседнего

королевства, но тут неподалеку я запрятал свой мешок, а ногу перевязать можно и потом, наконечник скользнул с поножи и чуток порвал кожу, крови почти не было, было жальче новые портки.

Забрав из тайника мешок с богачествами, чего возбужденные недавней и первой в жизни схваткой рейтары просто не заметили, я двинул отряд к деревушке. Тела разбойников мы оставили на потребу лесному зверью, вряд ли подельники вернутся, чтобы их прибрать. Переночевав в господском доме, мы двинулись дальше. Когда ехали с кузеном и его женой, нас пустили только на сеновал и то за две охапки хвороста, а тут увидев рыцаря, хозяин отдал свое место бесплатно и подобострастно. Правда сам храпел рядом на лавке и старуха его храпела тоже сильно, но все же какое-то уважение проявлено. Рейтары-то как раз на сеновале гоготали и приставали к служанке, пока мне хозяин не пожаловался, после стычки на дороге ребята слушались меня как отца родного, сразу утихли.

Наутро Мария отдала мне законченный стяг, с вышитым золотым драконом в червленом поле. Рейтары радостно крича, воздели его над отрядом и вскоре дробный топот копыт уже возвещал всех, чтобы убирались с дороги, над нами вился искусно вышитый дракон, изрыгающий пламя, прямо как живой. Супруга моя мастерица оказалась, перед венчанием озаботилась начать вышивать герб, а тут вишь, при свете плошки с жиром закончила. В следующем селении красиль-

ня оказалась, получилось раздобыть краски, как смог, дракона и на щите намалевал, всем понравилось, отряд совсем напоминал рыцарскую свиту, встречные стражники не как обычно норовили стащить с лошадей что-нибудь, а почтительно приветствовали. Дабы обозначить, что я человек герцога, поверх доспеха накидку гербовую нацепил, поскольку хоть ты и рыцарь, а служить кому-то надо. Рейтары так увлеклись, что проскочили и границу и не только день, а все три сопровождали, прямо до замка его светлости, на конях-то путь не два по десять дней, в пять уложились. Но тут начиналось самое сложное – как его светлость, хотя и просвещенный, но нравом суровый и необузданный, к возвышению слуги отнесется? А ну как вспылит и повесить все-таки решит? Ну, прослышав про такое, король пожурит его, а может и не прослышит, родичи-то мои мстить не будут, мыслимое дело крестьянам герцогу мстить? Этакой крамолы тут отродясь не водилось.

Уже вскоре должен показаться замок его светлости, подъехали к развилке и услышали топот, рыцарь с незнакомым гербом, свитой в дюжину голов, сворой гончих и линялым соколом, трубя в рог приближался. Ну, мало ли рыцарей шныряет по дорогам королевства, мы как ехали своим путем, так и продолжали, уже виднелся замок и флаги на донжоне, вместе с повешенным там очередным воришкой. Незнакомый рыцарь не повернул на развилке, а явно преследовал нас, я съехал с дороги и услав Марию вглубь рейтар,

стал ждать исхода. Рейтары после разбойников готовы были драться с кем угодно, даже выставили пики. Со стен наши стяги явно видны, вскоре его светлость пошлет дюжину гвардейцев поглядеть, что происходит, накидка явно даст понять рыцарю к чьим людям я отношусь, герб герцога известен не хуже королевского.

– Вызываю тебя, готовься преломить копьё, – прокричал, приблизившись рыцарь, – как повезло встретить тебя без этих твоих головорезов.

– Но у меня нет копьё, может, позвольте послать в замок или одолжите запасное? – проговорил я, понимая, что меня приняли за герцога, но вызов брошен и поединка не избежать, даже если выяснится несуразица.

Хотя формального оммажа не приносил, все равно я из людей герцога, следовательно, должен защищать его хоть в стычках, хоть в бою, а это как раз такой случай. Видать этот незнакомый рыцарь в богатом доспехе, с роскошной свитой никак не меньше графа, раз смеет вызывать герцога. Долг рыцаря защищать сюзерена, вот только жалко, что этот долг потребовал оплаты так быстро. Я, конечно, бился копьем на коне, что для простолюдина немислимо и герцог очень потешался, глядя как я целюсь в кольцо или вылетаю из седла от удара оруженосца. Это он говорил отличная потеха, а вот мечем орудовать дюже сподручнее, часто доводилось.

Рыцарь подозвал оруженосца, уже подводившего выючную лошадь с копьёми. Рыцарь на такой поединок взял явно не

турнирные копья, разлетающиеся в мелкую щепу под пiski благородных дам и вопли черни, нет, это боевые окованные копья, раза в три толще рейтарских пик, пригодных только для разгона сброда и добивания бегущих кнехтов. Таким копьем можно пробить даже хороший доспех насквозь. Тут рыцарь замахнувшись, ударил оруженосца перчаткой по лицу, сломав ему нос и разбив губы, отчего тот, залившись кровью свалился с лошади: оказалось привыкший к турнирам слуга взял охапку небоевых копий.

– Копья взяли турнирные, а я хочу убить тебя, – пробурчал из-под забрала рыцарь и соскакивая на землю взревел, – мечами деремься, сейчас же!

Ну, делать нечего, плащ я давно снял, покрутил мечем, проверил крепления доспеха, помолился Святой Клотильде и атаковал, Анри говаривал, что выжидать недостойно, должно только атаковать. Рыцарь, не ожидавший такого натиска, даже стал отступать, правда, шага на три, не больше, удары его были сильны и хороши, даже очень хороши. Герцог, невзирая на годы, легко разбрасывал троих гвардейцев, этот ему не уступал, я только учил все эти итальянские позиции, да испанские финты, а рыцарь их запросто применял. Двигался он удивительно легко, сыпал ударами, мне приходилось туго, но контратаковал непрерывно, когда только мог. Постепенно я понял, что еще пара обменов ударами и мои знания закончатся, два раза я не знал продолжения и пропустил чувствительные удары по ребрам и ноге, хорошо, что

вроде ничего не сломалось. Меч у рыцаря был длиннее, щитом он орудовал ловчее, только вспоминая все уроки мастера Анри я мог держаться, еще мгновение, не сносить мне головы. Я стал отступать. Шаг, второй, рыцарь обрадовался, удары посыпались чаще, однако я отступал не просто так – здесь мне знаком каждый лопух и отступая к тому пожухлому кусту я преследовал вполне определенную цель. Там святые отцы выкопали языческое идолище и утащили куда-то, а яма осталась, если пятясь перескочить ее и не попасть под меч – авось что-нибудь получится.

Улучив момент, я отпрыгнул из-под удара рыцаря, перескочил куст и яму, только слегка запнувшись. Яростно ворча, рыцарь бросился за мной, как и планировалось, одной ногой попав в яму. Я приготовился мощным ударом снести ему голову, но даже перекошенный и ошеломленный мой противник сумел отразить удар, но не до конца, конечно, я не снес ему голову, но ударил по шее, зазвенев капюшоном кольчуги. Пока он не опомнился, я приставил меч к его горлу и потребовал сдачи, рыцарь, презрев опасность, атаковал, но отбивая мой колющий оступился и повалился в куст. Метнувшись за ним, я выбил атакующий меня, даже из лежачего положения меч и снова приставив к горлу клинок, потребовал сдачи.

– Сдаюсь на милость победителя, – сквозь зубы прошипел рыцарь.

Я помог ему подняться, он, опустив голову, понуро по-

брел за мной. Рейтары, ошеломленные таким поворотом событий молча пялились на открывшуюся картину, свита рыцаря ошеломлённо гудела, глядя на своего господина, мрачно забиравшегося в седло. Я махнул рукой и отправился в замок, благо, если они сбегут, будет только лучше, к объяснениям с его светлостью добавится еще и поединок, этого только не хватало. Но рыцарь с опущенным флажком следовал за нами, держа почтительное расстояние, мы въехали во внешний двор замка, где нас как положено встретили две дюжины стражников со взведенными арбалетами. Все вели себя мирно, оружия не доставали, спешили. Стражники приветствовали, как им показалось незнакомого рыцаря при супруге и свите, приняли коней. Победенного мною рыцаря они встретили враждебно, в основном арбалеты направлялись на его людей, оставив Марию под охраной озирающихся в незнакомом замке рейтар, я поднялся за сокольничим к его светлости.

Глава 4

Не нужно думать, что рыцарями рождаются. Рыцарство – удел бедняков. Знати благородные заветы нипочём, их дело – мода.

Гилберт Кит Честертон

– Кого Вельзевул там принес, чтоб ему в аду смолой забили задницу и подожгли? – взревел, оторвавшись от любимой своры герцог, – кто там вздумал устраивать поединки на моих землях?

– Ваша светлость, – сказал я, держа шлем в руке, – не хотел вас оскорбить...

– Да неужто это пройдоха Годфрид? – вскричал герцог выпучив глаза, – это ты что напял...

Его светлость потому и королевский любимец, что все понимает на лету. Увидев шпоры, пояс, цепь, не говоря про меч и одежды – сразу все понял. Понял и захохотал, упав на кресло и хлопая себя по коленям. Потом осушил кубок с вином и продолжил хохотать так, что собаки стали испуганно жаться к ногам псаря Жильбера, смотрящего на меня с долей суеверного ужаса.

– Ну, рассказывай, без утайки, как такое вообще могло

произойти? – подошел, хлопнув меня по плечу его светлость, предлагая усесться на табурет и даже крикнув чтобы принес-ли вина его новому рыцарю.

Без утайки, все равно герцог если захочет справится, рас-сказал как дело было, только про драконовы богатства умолчал, сказал, пару монет всего отыскалось, его светлость хмыкнул, но не сказал ничего. Герцог повелел привести Ма-рию и долго смотрел на нее, теребя пряжку пояса. Супруга приветствовала его светлость, вполне сносно произнеся тра-диционные фразы, герцог так на неё смотрел, что моя рука сама легла на крестовину меча.

– Но-но, Годфрид, хоть ты и опоясан, не забывайся, – по-грозил мне его светлость пальцем, – давай посмотрим, кого ты там победил?

Повелев привести рыцаря, герцог вторично округлился в глазах, увидев герб вошедшего. Гвардейский капитан пытал-ся ему несколько раз доложится, но его светлость захвачен-ный моим рассказом только отмахивался. Оказалось пленен-ный мной это герцог Этьенский, особа королевской крови, недруг его светлости, молодой и горячий, невзлюбивший мо-его сюзерена за влияние на короля. Я много про это слышал из болтовни оруженосцев, но откуда мне видеть его герб, а тем более самого. Получилось, что вассал его светлости в мо-ем лице взял в плен самого его заклятого врага. Герцог, узнав все это хохотал до колик, а пленник, поняв, какую ошиб-ку совершил, вызвав меня, побледнел и едва не лишился

чувств. Опершись на стол, он выпрямился и стоял мрачнее с каждым мгновением, хотя казалось бы уже дальше некуда. Представляя, величину выкупа за такого пленника, его светлость мечтательно поглаживал собаку. Пленника отправили под охрану в башню, повелев дать вина и еды, допустив обезоруженных слуг, а остальных запереть в подвале.

– Ну, Годфрид, так я не веселился даже когда мы взяли Орли, – все еще похохатывая проговорил его светлость, – пусть в рыцари тебя возвели по недоразумению, но пленил ты лучшего поединщика королевства уже только с помощью своего меча. А то, что не убил его, а взял в плен, это просто божья благодать. Не знаю, как бы король отнесся к гибели своего племянника, все-таки они сводные братья с его папашей, а так, получилась история, достойная ярмарочного балагана. Жалую тебя за смелость и дальновидность бароном, ты ведь мог открыться, он приехал биться со мной, поединок бы отменили, но ты не побежал, а защищал своего сюзерена, просто герой. Я, сказать по правде побаивался схватиться с ним, молодой, сильный, на копьях равного нет, да и мечем отлично владеет, турнир за турниром он выигрывал уже три года. Сам понимаешь, такого пленника тебе содержать не по чину, да и оскорбление это для королевской крови, вот так в кроличью нору и клинок к горлу. Хотя поделом, ох, поделом этому выскочке досталось, не терпится мне королю поведать сию историю, думаю, он со смеху лопнет. А уж герцогов папаша как скрипеть зубами будет, кубышку распечатывая, от-

дал бы всех своих лошадей, чтобы поглядеть на эту картину. Предлагаю выкупить пленника, ведь он твоя законная добыча, его коней, слуг, собак, доспехи, даже сокола, оставляй себе.

– Конечно, это бы хорошенько обдумать, – осторожно начал я, поскольку кроме покупки тихого домика планов не было, а тут баронство, такой нечаянный подвиг во славу герцога, да и пленник третий человек после короля, – не будет с моей стороны наглостью запросить замок и поместье с виноградниками Шаблизьен?

– Даже наоборот, замечательно, после того как выиграл у мерзавца ла Потеля замок в кости, там все пришло в упадок, – кивнул его светлость, снова занявшись собаками и давая понять, что аудиенция закончена, – с управляющим поговори, он все оформит.

Управляющий, присутствовавший тут же, без разговоров отписал поместье, заверив пергамент малой герцогской печатью, челядь в замке приучена вопросов не задавать, а распоряжения выполнять скоро. Побыстрее покинув замок, я отправился в Шаблизьен, все еще не веря в происходящее, вдыхая воздух знакомой мне с детства земли. Только двигался по родной земле я не бочком, озираясь, как бы рейтар не сбил ненароком, нет, я двигался посередине дороги и эти самые рейтары сворачивали, уступая дорогу моему отряду. Ощущения как не верти новые и приятные. А немного погодя, показался и знакомый с детства замок, как то ни странно,

теперь мой замок.

По правде сказать, я оказал герцогу услугу, взяв захиревшее поместье игрока и пьяницы ла Потеля. Когда-то здесь была водяная мельница, виноградники на полдня пути, а теперь жили десятка два крестьян, виноградник едва занимал место городской площади. Но это поправимо, было бы желание и возможность. Конечно, можно было запросить и самое лучшее поместье герцогства и много больше, но щедрость его светлости имеет хорошо известные мне границы. Работы тут много, но и работать я умею, родственников много, наверняка захотят поучаствовать, народ работающий, внакладе не останутся. Замок надо сказать небольшой, однако хорошо расположен на обрывистом утёсе, нависшем над быстрой и глубокой речкой с холодной водой, текущей с ледников. Вода постоянно имеется, глубокий ров всегда наполнен, есть выход к реке, в замке ещё колодец и резервуар, имеется ледник, если напасть – осада получится трудная. Строил замок итальянец, специально, чтобы можно было оборонять малым числом. Впрочем, к Шаблизьену нужно пробираться через все земли королевства, самого герцога, рядом замки воинствующего ордена, поэтому безопасность этого на первый взгляд приземистого замка была обеспечена самой природой. И если сам замок небольшой, то земельные угодья прилагались обширные, не только виноградники, здесь отлично росла пшеница, имелся прекрасный выпас для овец и коней, огромный лес скрывал готовых прыгнуть на вертел

олений и кабанов, зайцы и тетерева мечтали о сковородке. При замке раньше был небольшой городок, даже с маленькой рыночной площадью и целыми двумя кабаками, но запущенное замковое хозяйство не давало работы, постепенно домишки опустели, остались одни негодные старики, городок пришёл в запустение вместе с замком. Но, думается, если будет работа, городок оживёт, место довольно бойкое, здесь раньше на пристани останавливались лодки торговцев, сплавлявшихся по реке, теперь из-за отсутствия кабаков они вынуждены были уже затемно останавливаться у вороватых и плохо кормивших братьев в монастыре. Возки с товарами, раньше были частыми в городке, теперь катились мимо, чтобы успеть в монастырь. Как говорил его светлость: открой кабак, там деревенька вокруг разрастётся, а при большом кабаке можно армию на вербовать.

Мост видимо не поднимался, даже немного оброс мхом, решётки не было, ворота в замке висели на одной петле и не закрывались, везде росла трава и валялся хлам, даже паслась свинья. Ров был основательно загажен, местами вода стоячая, затянулась болотной тиной. Кольца коновязи кто-то вырвал из стены, пришлось пока определить коней и собак в перекошенную стражницкую, показанную единственным оставшимся здесь стариком-сторожем. Крыша конюшни провалилась, донжон наполовину стоял без крыши, стены кое-где имели дыры, но в целом очень даже неплохо, замок всегда славился красотой и крепостью. Деревянные насти-

лы и лестницы перестелить умелым плотникам не составит труда, уж дерева в местных лесах навалом. Сторож отлично следил за постройками, не пускал разбойников и проходимцев, как мог латал после зимних бурь, хранил запасы вина и остатки добра.

Одарив рейтар нашим замечательным вином и провизией на дорогу, я отправил их восвояси. Рейтары наверняка пожелали бы остаться, но таких молодых необученных увальней брать на службу не стоило. Рано или поздно герцог потребует службы, поэтому набирать людишек придётся, только проще брать северных, вечно голодных и выросших с мечом наёмников, чем южных изнеженных ребят. В голодные времена северяне могли служить вообще за еду, зато приходили сразу с вооружением и конями, здешних нужно каждого снаряжать. Впрочем, на севере есть проблемы с едой, а здесь с умелыми наёмниками, обмен хороший. Привезти овец, лошадок, скотина расплодится на здешних лугах тучнее прежнего, будет шерсть, мясо, сыр и молоко. Лошадьми торговать выгодно, раньше здешние табуны ценились, торговцы часто заезжали, шерсть здешняя тоже хорошо продавалась. Да мало ли чем торговать можно, здесь тисовые деревья заброшенные стоят, раньше король лично повелевал каждое дерево переписывать, теперь совсем позабыли. Ничего, тисовые луки всем нужны, вскоре заскрипят возы с этой драгоценной древесиной на север, там островитяне любят тисовые луки, только не растёт там это дерево. Обычно замки баронов при-

носят убытки, но умеючи здесь можно золото шапками гре-сти.

У сторожа был внук, маленький Джори, его послали за моими родственниками. Со мной остались только Мария и пятеро из свиты плененного герцога, переметнувшиеся на мою сторону, они сказали, что известный яростным нравом хозяин их точно повесит. Если даже сокольничий и псарь боялись за жизнь, хозяин у них точно не подарок. Мы бродили по двору, я прикидывал, что нужно для ремонта и приходил в себя от потрясений последней недели. Посланный мальчишка вернулся с моими ошарашенными родичами, отец и братья не могли поверить, что этот опоясанный рыцарь с красавицей женой и есть их Готфрид. Увидев мою родню Мария надулась и перестала разговаривать. Кликнув остальных, мы занялись Шаблизьеном, чтобы привести его в порядок после трех лет запустения и десяти лет бесконечных попоек старого хозяина. Супруга моя заперлась в первой вычищенной зале и старалась со мной не встречаться. Ну, что ж, без нее дел хватало.

Оправившись от шока, мои родственники взялись за работу, благо теперь бедное захолустье могло превратиться в жемчужину герцогства, а может королевства. Никому ничего объяснять не надо было – все мои предки растили виноград и пшеницу, сколько себя помнили. Было самое время высаживать лозу, чем занялись все свободные руки. Земли быстро изрыли небольшими ямками, лучше бы их копать с осени,

но осенью я прислуживал конюхам, не мечтая о замке. Авось большая часть саженцев приживётся, лоза у нас крепкая, даже зимний снег переживает. Ямки южных склонов засыпали щебнем, вскоре земли приобрели вполне благопристойный вид. Родственников было много, но работы ещё больше, вскоре стали приезжать из соседних деревень и хуторов дальние родственники и остальные, решившие подзаработать. Уже десяток воловьих упряжек пахали землю, бабы и старики засеивали пшеницей готовые поля. «Воскресные дети», а попросту здешние дурачки уже пасли пригнанное стадо коров и овец, нескольких породистых кобыл под присмотром опытного конюха всю крыл мой жеребец, остальные кобылы тоже пошли в дело, радостно отдаваясь жеребцам попроще. Для лошадей засеяли поля овсом, вычистили сад, благо сидр из местных яблок славился за пределами герцогства. В замке было много вина, снарядили пару обозов, вместе с тисовым деревом, удачно продав островитянам, любившим выпить и поиграть в мяч. Те играли в мяч на площадях, сносили иные лавки, королю пришлось указом даже запретить эти игрища, впрочем, мало помогало. Играли в мяч так, что его светлость, наблюдая за этим разнузданным злодейством даже сказал: если они играют так в мяч, то что они называют дракой?! Королю игра в мяч досаждала тем, что лучников обязывали после воскресной мессы идти тренироваться с лонгбоу, чтобы не терять навык, а эти надуются вина и играть, один раз сказывают у реки играли – трое утону-

ли, даже не заметил никто. Шериф в воскресенье отлавливает мужей сразу после церкви и на стрельбище, а то лонгбоу лук злой – с непривычки можно и пальцев лишиться и спину сломать, такой мощный. Ещё бы островитянская стрела нашего рыцаря насквозь может пробить, а добрый лучник выпускает по пятнадцати стрел кряду, а соберись таких две тысячи – стрел настолько много – конница не может скакать, даже если стрелы не попадут, а просто в землю воткнутся. Хорошо, в общем, винишко и древесину продали.

Так что дела пошли. Пристроил всех родичей, они поселились кто в замке, кто поблизости, дом-то у нас совсем худой был, поставили новый, каменный. Замок быстро подновили, особенно жилые помещения, отремонтировали крыши, почистили камины, двери поставили. Стенами и башнями занялись пришлые каменщики, потянулись возы с камнями и известью, установили запрятанную решётку, привели в порядок мост, его закрывали, как положено к ночи. Стража на башне исправно несла службу, лично проверял среди ночи, не спали удалыцы, даже не сильно пьянствовали. Отец бродил по залам, иногда трогая стены и покачивая головой, боясь выходить в центр комнаты, привычно шараялся от приветствовавших его всадников, недоверчиво поглаживая добротную шёлковую одежду и поправляя немислимый раньше берет с пером. Мать быстрее освоилась, покрикивая на кухарок и занимаясь привычным хозяйством, только уже в замке. Капустная похлёбка сменилась наваристым мясным бу-

льоном, на столе была жареная рыба, хлеб без отрубей и мха, воду пить, разумеется, перестали, вино и сидр, завтракали супом на пиве, как в богатых домах. Отец ворчал, что голодную кухню забывать не стоит, завтра может неурожай, негоже привыкать к зерновому хлебу, однако братья и сёстры, заметно округлившись за прошедшие месяцы с удовольствием ели всякие ранее недоступные кушанья и даже диковины, вроде анисовых пастилок. Благо все умело трудились, доход шёл в руки, грех было отказываться. Выпала тебе Годфрид из Саржа удача – поделись, замок большой, городишко тоже не маленький, всем работа и место найдётся. Пристроил всех кроме кузена, вернувшегося через месяц, он ломал шапку, просил прощения, жена его заливалась слезами. Простил, конечно, но к делу не приставил, как ловил он скудную рыбешку на речке, так и ловит. И башмаки мне по сей день не отдал, жадина.

Мария через месяц начала со мной разговаривать, а поглядев, как засверкал новыми коваными воротами и стенами замок, и волшебным образом расцвело поместье, стала любезной, насколько это возможно. Всё равно она сидела в своей комнате, с родственниками не общалась, только завела служанку. Они иногда ходили гулять вокруг замка и на рынок, издали раскланиваясь со мной, даже ела у себя. Вообще сам герцог не позволял себе обедать отдельно от двора, это считалось невероятным эгоизмом, впрочем, без жены дел хватало. Моя женитьба была настолько внезапной и неожиданной,

что такое редко бывает. Обычно родители долго торгуются за приданое, иногда годами, или сговариваются, когда супруги ещё говорить толком не научились. С другой стороны, барону перед женой отчитываться не с руки, на дороге проезжают возки маркитанток, в городке любая теперь мне рада, не простой драконодав, целый барон. Его светлость говорил, что женятся благородные редко для плотских утех, а для продолжения рода, с женой заключают договор, сколько ей содержание положено за сына, дочерей обычно рассматривают как лишнюю обузу. Сарацины сказывают вообще дочерей живьём закапывают, чтобы их не воровали, при этом убивая родственников. Поэтому, наверное, потом с женой стоит поторговаться за наследника, а себе завести экономку по-симпатичнее, вон малышка Жюли толковая и симпатичная. Впрочем, пока забот было как у нас говорят выше крыши, едва удавалось к вечеру вылезти из седла, впиться зубами в баранью ногу, хлопнуть винца, да растянуться на кровати. Я поставил себе большую, благородные спали полусидя, считалось лежать – быть похожим на мертвеца, отчего многие не отдыхали по мне совсем. Его светлость вечно был мрачным с утра, пока вина не выпьет и не разомнётся с мечом. На предрассудки было наплевать, выросший в тесных лачугах, да ночуя в конюшне при замке, я почитал огромную кровать за великое благо, мягкая перина, шёлковое покрывало – невиданная роскошь.

Глава 5

А кто изгнал рыцарей из жизни? Любители денег и торговли!

Солженицын

С его светлостью много довелось поездить, мир повидать, на строительстве крепости Кальмон д'Оль свёл знакомство с подмастерьями строителя Бернардо делле Джирандоле. Его светлость изволили захворать и лежали в горячке, думали отойдёт, но здоровье его светлости бычьё, выздоровел через месяц. Слоняясь без дела, прибился к подмастерьям, те узнав, что латынь разбираю, завалили меня книгами по фортификации, их перетолмачивать надобно было. Заодно по стройке за италийцем бегали, записывали и зарисовывали замыслы его величественные, большой человек. Кормили хорошо, даже отрез ткани на одежду выдали, а вино не переводилось вовсе, святые люди. За месяц этот, про строительство замков узнал с крепостями, больше, чем хотел. Отчего теперь, ремонтируя замок, укреплял стены как следует под ядра бомбард, италиец весьма ругался, если стены возводили тонкие и высокие, без укрепления землёй. Стены сделали многослойными, досыпали землёй, устроили бойницы для

перекрёстного огня, ров сделали пошире, вычистили. Обычно как слабятся в замке? Правильно, выставят задницу за крепостную стену и гадят в ров, чтоб значит, враг имел большое удовольствие скользить в испражнениях осаждённых. Правда запашина стояла и миазмы всякие выделялись, как говаривал италиец, потому категорически гадить со стены всем запрещал и если видел, то дубасил палкой. Хотя, надо сказать помочиться со стены не запрещал и сам предавался сему с великой охотой, соревновался кто дальше доструится. Памятуя наставления мудрого италийца, я запретил гадить со стен, завёл специальные отхожие места и золоторя, вывозящего человечьи испражнения в подходящее место. Это посчитали неожиданной блажью, однако слушались беспрекословно – кормили хорошо, не пороли, работы было много и даже платили. Конечно, были лентяи, склонные отлынивать от работы и жрать в три горла, но таким быстро указывали дорогу. Не работаешь – не ешь, хорошо работаешь, ещё и пьёшь, у нас бездельников и воришек, как в замке его светлости не держали.

– В кости играют? – возмутился я, – распорядись, чтобы страже удержали четверть жалования в этом месяце.

– А каменщикам? – спросил управляющий.

– Каменщикам вообще не платить, пока не исправят северную башню, там верх стены перекосило, того глядишь рухнет, – нахмурился я, – совсем от рук отбились погляжу, а ну как осада?

– Спаси и сохрани Святая Клотильда от такой напасти, – перекрестился управляющий, сбежавший из южных земель, где его замки брали приступом трижды, – плотникам тоже не платить?

– А плотникам-то почему не заплатить? – удивился я, – они все пристани отлично срубили и вовремя, накинь им сверху пару монет и вина поставь.

– Вдова Одет спрашивает, как решена участь обесчестившего её бродяги? – продолжал утренний доклад управляющий, – бродягу пока заперли в темнице.

– Вешать на донжоне, – пожал я плечами, – ко мне-то за чем с такой ерундой обращаться, это начальник стражи мог решить.

– Так Дайон был на охоте, – сказал управляющий, – а потом с лесниками разбирался, да поехал в Барфлёр за лошадьми.

– А, ну да, – кивнул я, – сами бы решили, делов-то, верёвки что ли нет?

– Простите, господин, – поклонился управляющий, – не повторится, в следующий раз с такой ерундой к вам не обратимся.

В таких бесконечных разборах дел и протекала моя нынешняя жизнь. Понимая как устроена кухня, как оруженосцы службой пренебрегают, что лесники постоянно сбывают дичь с душком, как воруют камень со стройки, я держал свой замок в латной рукавице. Обычно бароны заняты охотой,

сельскими девками, пьянством и совсем немного службой королю или герцогу, собираясь раз в четыре года на смотр. Бывало выезжали на войну раз в жизни, бывало сказывались больным. За то полагалось наказание, если выяснится, что фальшивая болезнь, правда иногда короля самого на поле брани убивали или хворь какая в походе прибирала. Оно же понятно: неделя в походе, почитай год жизни. Вода дрянная, может из болота тебе набрал слуга, а может там лошадь третьего дня утонула, неизвестно же, что происходило тут пару дней назад. Вокруг лагеря сразу горы дерьма разрастаются, кто в реке моется, кто лошадь поит, чума нагряться может в любой момент. Поэтому война дело грязное и кровавое, одежду в уксусе вымачивают, чтобы блохи не заедали и солома в поддоспешниках не гнила, все воняют потом, если кого ранят, вообще Святому Кондратию только молиться. Это в столицах сказывают лекари есть, а в походе цирюльник ногу отрежет, пару дней в горячке проваляешься и не помрешь, будешь нищим, хорошо, если место при церкви дадут с невысокими налогами, будешь там побираться. Или приберёт господь, такое чаще случалось, помню, стрела попала рейтару в руку, спокойно протолкнул её сам, сломал древко, вынул половинки, а вечером слёг в горячке и утром помер. У нас был в походе лекарь при его светлости, тот говорил нужно в реке мыться почаще, не раз в год, а намного чаще, говорил римляне – это такие древние мудрецы – вообще мылись каждый день после обеда. Ну, знамо дело мудрецы, плохого

не посоветуют, я старался в речке или кадке с мыльным корнем хоть раз в неделю мыться, правда, священники ругали, но вполголоса. Исподнее тоже стирал как рыцари справные хоть раз в неделю, замок тоже приучал, нечего как чумазые северяне ходить, мы просвещённое королевство.

В городишке открыли кабак на пристани, завидев такое, потянулись лодочники, местные хуторяне стали привозить на рыночную площадь дичь и мясо, покупая ткань и гвозди у предприимчивых торговцев. Вскоре городишко стал оживать, даже ярмарку провели, открыли второй кабак, в заброшенную церквушку определили причетника, вскоре округа сверялась с её колоколом, постоянно зная утро теперь или полдень. Горланил причетник отменно, любил, как положено, выпить и закусить в кабаке, девок исповедовал, нормальный толстячок. Вскоре в городишке стало тесновато, приехавшие из Ла-Бастид семьи поставили несколько новых домов. Жизнь, доселе жалкая и бедная, исполненная старческих немощей и беспросветной нищеты, становилась разудалой и весёлой. Через город стали проезжать вороватые жонглёры, устраивающие целые представления и обворовывающие зрителей, а хуже того дома, пока бесхитростные деревенщины смотрят представление. Поэтому, в городке пришлось завести толкового шерифа, назначив одного из бывших слуг герцога. Это имело двойное значение – малый был незнаком со здешними, потому никого не выделял, чужой всем, он был предан только новому владельцу. Конечно, его

вскоре подкупят торговцы или жонглёры, однако первое время шериф наводил порядок крепкой рукой. Здесь должность называли на островной манер шерифом, ещё помнили старики, как здесь заправляли островитяне, начальника стражи здесь как называли шерифом полсотни лет назад, так продолжали. Впрочем, новоиспечённый шериф был из островитян как раз, по отцу, поэтому быстро приучил местных играть в мяч, только зубы летели и порубил своим быстрым клинком с дюжину разбойников, да повесил воришек – серьёзный был человек.

Кузнец за серебряную монету наладил мельницу, оказалось там дела на пару дней, пока ремонтировали замок и постройки, обзаводились скотиной, потянулись первые возы с зерном. Раньше им приходилось, как мельница сломалась ездить за два дня в аббатство Святого Иннокентия, но размолов у меня дешевле и ближе, вся округа стала ездить к нам. Аббат было стал жаловаться его светлости, но герцог только заругался сильно и ничего не ответил, занятый торговлей о выкупе и отпаиванием холодным вином короля, говорят тот чуть не помер от хохота, узнав все подробности пленения. Аббат решил прикрыть мельницу, подав жалобу епископу, однако тот, прослышав об истории при дворе, где который месяц анекдот вызывал хохот, ссориться с новым любимчиком герцога и короля не хотел, даже передавал благословение. Герцог, вернувшись от короля, заехал в замок и был приятно удивлён произошедшими переменами. Он пом-

нил замок развалюхой с вечно пьяным хозяином, не сказать, чтобы с бесконечных запасов вина я всегда держался ровно в седле, однако по сравнению с прежним хозяином я был святым.

– Смотрю замок прямо ожил и расцвёл, – пробулькал из кубка герцог, – пристани ломаются от товаров, поля засеяны, но достойно ли рыцарю, а тем более барону жить с торговли, а не с военной службы и добычи?

– Это все мои братья-простолюдины, ваша светлость, – улыбнулся я, – они ведут торговые дела, им торговцами быть не зазорно, я лишь предоставляю свои земли для ремесленников и торговцев, а если они платят за аренду звонкой монетой, так какой урон чести рыцаря в том?

– И то верно, – впился в хорошо прожаренную баранью ножку герцог, – отчего бы рыцарю не получать за аренду, умно Готфрид, умно.

– Как ваша светлость, – спросил я, – уже выторговали выкуп и как отнёсся король к такому нечаянному приключению?

– О, Годфрид, ты доставил нам немало часов истинного веселья и радости, – снял герцог с пальца кольцо воистину королевское, стоившее половины замка, – король послал тебе подарочек, а выкуп я получил такой, что возят которую неделю с охраной, всё не вывезут. Мы с королём долго примерялись к сумме выкупа, а попутно я сотню раз рассказал твою историю, как из драконодава за неделю выслужиться в

бароны. Король был просто очарован историей твоего возвышения и победы, отчего даровал тебе право дюжину лет не уплачивать налоги, даже вполовину сократил количество выставляемых с баронства отрядов. Но, Годфрид, учти: королевское слово крепкое – монарх захочет даст, захочет простит себе, поэтому собирать наёмников стоит полновесными отрядами и налоги отложить, ежели потребует.

– Ваша светлость, – поклонилась Мария, вышедшая к столу.

– О, супруга, – нагло пялился герцог, – тебе повезло Годфрид.

– Прошу меня извинить, – вскоре удалилась Мария, чтобы прервать натянутую тишину и похотливые взгляды герцога.

– На чём мы остановились? – хлебнул герцог из очередного кубка, – ах, да, король, твоё баронство и главное наёмники: собирай отряды, оснащай, вооружай, обучай, скоро военная кампания, будем островитян с севера выбивать.

– Кого лучше нанимать? – спросил я, – рыцарей, арбалетчиков, лучников, пехоту?

– Кого угодно, только побольше, – вяло пробормотал наклюкавшийся и развалившийся в кресле герцог, – может даже моряки понадобятся, если выьем северные замки и дойдём до пролива.

– Буду собирать отряды ландскнехтов и пикинёров, – сказал я, – самые отчаянные головорезы, опытные и недорогие.

– Да хоть чертей... – сквозь храп пробормотал герцог.

Недостатка в добрых наёмниках, прослышавших о новом щедром господине не было – кондотьеры наезжали еженедельно, предлагая разной степени оснащённости банды. Бандами северяне называли ленты, ими отмечали свои отряды, ленту повязывали на шляпу или рукав, чтобы отличать пёстро одетых наёмников своего отряда, от таких же наёмников чужой банды. Правда наезжали плохо вооружённые и наглые кондотьеры в надежде заключить выгодную кондотту – договор с наёмниками. Южане были весьма ленивыми, поэтому ввели моду покупать услуги наёмников, чтобы те воевали за сольдо вместо них. Наёмников вообще теперь поэтому называли солдатами. Однако, помнится герцог, уезжая на войну, лично занимался наёмниками, я тогда подавал вино в шатре, герцог всегда много пил, разговаривая с кондотьерами, поэтому насмотрелся и наслушался. Герцог любил говорить со мной, как выпьет, у пьяного на языке всегда, что трезвый про себя держит. Говорил надо посмотреть наёмников, кондотьер расскажет, что вся банда трёхчетвертной доспех носит, а приедут бездоспешные, в стёганных паклевых акетонах. Приведёшь таких в королевское войско, а платят не за количество, за вооружённость, лучше иметь дюжину рыцарей в полном доспехе, да по дюжине хорошо вооружённых оруженосцев и слуг в отряде, тогда заплатят хорошо. А добротню вооружённые смогут взять добычу немалую, королевские-то деньги едва окупят поход, только добыча может принести хороший куш. Приходилось выпроваживать весь-

ма наглых кондотьеров, впрочем, глядя на хорошо вооружённых слуг герцога, ставших моими оруженосцами, большинство убиралось сами, не дожидаясь арбалетного болта для ускорения шага или доброго укола пикой.

– Мы воевали в десяти компаниях! – хорохорился плохо говорящий по-нашему кондотьер в цветастых одеждах, – сам Папа Римский хорошо отзывался о нашем отряде!

– Да хоть сам Святой Георгий, – нахмурился я, – лошади совсем худые, кавалерии едва треть, пистолетов у всадников совсем нет, три ружья на всех, пики короткие, мечи совсем негодные, больше похожи на тесаки, все бесподспешные, пара кольчуг на всех, куда мне такие наёмники?

– На юге большая кампания, все наёмники там, – гнул своё упрямый кондотьер, – здесь лучшего отряда не найти.

– Так двигайте на юг! – громко сказал одетый в простой, но добротный доспех северянин, – думаю господину барону ваши услуги без надобности.

– Сколько человек насчитывает ваш отряд? – спросил я нового кондотьера, глядя, как недовольный южанин убирается вон, поняв, что нанимать его явно не станут.

– Полсотни, ваша милость, – учтиво поклонился кондотьер, говоря с сильным германским акцентом, – половина вооружена алебардами, остальные пикинёры в трёхчетвертных доспехах, с длинными пиками, пятеро с двуручными мечами.

– Мне уже нравится, – кивнул я, заметив на поясе кондо-

тьера недешёвый меч, – поедем, поглядим ваш отряд.

Глава 6

Увы баронову войску – пришлось ему в землю лечь. Рыцарей его верных повыкосила картечь. А барону плененье было суждено, Ведь правило Железо, всем – Железо одно...

Р. Киплинг, "Хладное Железо"

По словам герцога и по всем признакам, вроде наступала военная пора, отчего наёмники дорожали и тянулись в наши земли. Мои братья, к военному делу склонности совсем не имели, поэтому занимались торговлей, древесина тисовая вздорожала многократно, похоже островитяне решили снова прогуляться по здешним землям. С другой стороны, полновесные монеты за тисовые деревяшки сыпались в кошель, требовалось платить мастерам, восстанавливающим стены, за скотину, за добрый уголь и металл, здешний старик Лорентин, махнувший было рукой на кузнечное дело и решивший дожить, внезапно перестал сидеть с флягой вина, подстриг бороду, встал к горну и начал делать отменные мечи, лучше привозных. Его старый, сломанный молот, приводимый в движение водяным колесом вернули к жизни по моему распоряжению, едва я увидел клинки, некогда знаменитые, в самом Золингене таких не видывали. Сыновья Ло-

рентина, прослышав о восстановлении кузни, бросили работать подмастерьями в бедных окрестных кузнях и переехали назад с семьями. Вскоре мечи изготавливались дюжинами, латные доспехи, шлемы, наконечники пик, гвозди, подковы, алебарды и прочая стальная снаряга. Углежоги не переставали нахваливать кузню и нового господина, чумазыми возами ежедневно доставляя уголь, бесконечно пережигая древесину в дремучих лесах. Рудокопы тоже радостно пережигали с углём руду, чтобы получить крицу, её кузня потребляла в невероятных количествах. Впрочем, кузня сказано весьма просто: чтобы не мешать городку звуками нарождающихся клинков, три дюжины изб были поставлены поодаль, ниже по реке, там ладили второй механический молот, благо доходы росли, здешнее железо славилось когда-то. А цены были хорошими, руду и уголь далеко возить не требовалось. Сыновья мастера привезли новые доспехи, новые мечи и кинжалы, вскоре клинки с изображением вепря в клейме начали расходиться по двойной, а затем тройной цене. Лорентин настолько ожил, что женился и сказывали молодая жена на сносях. Впрочем, как положено, Лорентин был вхож к барону, кузнецы, особенно мастера весьма почитались, мастер оказался ещё крепким стариком, пил больше меня, рассказывал про военные походы и драконов предивные истории. А больше того, настолько ожил, что стал замахиваться старик на пушечное литьё, благо давно занимался небольшими колоколами, да прибился к кузне толковый подмастерье

из северян, работавший у пушкарей, знавший как отливают бомбарды.

Известное диво – бомбарды, их колокольные и пушечные мастера отливают. Занятие непростое и дорогое, каждая пушка весила столько, что сотня волов могла тащить. Заряжали пол дня, выстрелить можно два-три раза за день. Зато своим каменным ядром, такая бомбарда разрушала любые стены и ворота. Подмастерье вместе с пушечными мастерами и на войну ездил, умел заряжать и наводить бомбарду, однако кампания закончилась бесславно, осада затянулась, болезни свирепствовали зимой, а решительный штурм отбили. Их бомбарду захватил при вылазке неприятель и перебил обслугу, подмастерье тогда занимался подвозкой и обтёсыванием ядер, поэтому остался в живых. Армия герцога распалась, бросившись мародёрствовать в окрестностях, пришедшие на выручку осаждённым армии, вскоре захватили родной город подмастерья, разграбили как водится, пушечных дел мастеров поубивали, город сожгли, а оставшихся в живых чума прибрала. Известное дело, в добрую мастерскую стороннему человеку попасть сложно, работают цехами, чужаков не привечают, самим работы мало, ну, парнишка и подался с наёмниками на юг, подправляя доспехи и перековывая лошадей. Увидав развернувшееся дело Лорентина, малой попросился в работники, вскоре выяснилось – парень многое умеет. Старый мастер решил, что шанс прославиться не мечами, а пушками упускать не следует, меч живёт

поколение-два, а пушки и колокола столетиями, имя мастера останется в веках.

Ладили пушечные мастера и колокола, в аббатстве хоть злились из-за помола зерна, узнав, что колокола можно отлить по соседству, решили не тащиться в Сент-Галлен, откуда раньше привозили с большим трудом неподъёмные колокола. Опять же цена устраивала больше, тамошние мастера были хорошими, но жадными. Колокола были нужны аббатству позарез – большой пожар уничтожил колокольную, она даже рухнула и погребла старинный колокол. А большому городу без колоколов нельзя: откуда жители будут знать когда открывается рыбный рынок, когда идти на работу, когда открываются и закрываются кабаки? Почитай вся жизнь города и окрестных селений отмерялась колоколами. Лорентин взялся за дело со всем прилежанием, забросив остальные дела на сыновей и помощников. Ещё раз перечитав Святого Пантелеймона Теофилуса, описавшего литьё колоколов в своём труде "Записки о разных искусствах", отстояв всеобщую, мастер взялся за дело. Вначале сделал маленький колокол, благо наш городок уже нуждался в особых колоколах для открытия и закрытия рынка, кабаков, не считая церкви, там ржавел старый клёпанный колокол, его порой в отдалённых хуторах при ветре вообще было не слышать. А как доброму христианину без проповеди? Дьявол подкрадётся незаметно, стоит лишь мессу воскресную пропустить, или исповедоваться редко, это вам любой священник расска-

жет. Первый колокол поднесли в дар местной церкви, получился голосистым и красивым. Уже уверенно, Лорентин занялся колоколами для аббатства, долго трудились, ругались, дважды бросали и напились с горя, однако сначала один заголосил, потом второй, прибывшие забирать работу монахи остались весьма довольны, даже резанные и фальшивые монеты не подсовывали. Прослышав о колоколах, даже епископ заказал несколько и остался доволен, мало того, известия о колоколах достигли маршала. Герцог сказывал, король давненько хотел завести собственные бомбарды, их приходилось покупать у южных и северных мастеров за невероятные деньги, практически на вес золота. Даже переманили мастеров из южан, испортили уйму дорожкой бронзы, те отлили бомбарду, красивую, большую, а стали палить, сразу пушку и разорвало. Понятное дело, отливающий пушку и стрелял, потому мастерить орудия стало некому, говорят даже тело отыскать не удалось.

– Дед мой колокольным мастером был, – рассказывал Лорентин, – правда не застал я его, помер до моего рождения, говорят славный мастер был, отец-то мой лишь мечи и доспехи ковал.

– Слышал я мастер был весьма достойный, – сказал я, подливая Лорентину вина и припоминая рассказы про старого Тьери, сказывали славный был кузнец, его мечи ценили короли, – помнится он же выковал меч для коронации Императора?

– Было дело, – кивнул мастер, – но всё же пушки и колокола делают лишь настоящие кудесники.

– Так надо попробовать, – усмехнулся я, – не боги горшки обжигают, чего сложного в том, чтобы сварить полосы стали или бронзовый колокол отлить?

– Не скажи твоя милость, – отпил кузнец, – ежели хочешь, чтобы орудие служило долго, много знать требуется, хорошая бронза и сталь, всё рассчитать нужно, математика наука называется, нагреть и охладить вовремя, а свёрла!

– Да, свёрла фантастические, – кивнул я, вспоминая огромные пушечные свёрла, – так мастер на то и мастер, всегда делать лучше.

– Да, сделаем пушку, такую, что загляденье будет, – пообещал кузнец, – сколько лет потерял, думал всё, жизнь кончилась, а сколько ещё не сделано!

– Сто лет жизни желаю, – поднял я кубок, – тысячу пушек и колоколов отлить.

– Твоя милость, – прослезился мастер, – помирать собирался, но при таком бароне, грех это, работать будем лучше прежнего.

Маршал, переговорив с королём и герцогом, заказал небольшую бомбарду, её всего три упряжки волов могли возить. Лорентин, казалось помолодевший лет на двадцать, неумоимо занимался посыпавшимися заказами на колокола и готовился делать бомбарду. Орудие вышло красивым, с богатым литьем, понятное дело вепрь яростно скалил на

литье клыки, а пушку назвали «Вебрь». Бомбарду поставили на специально срубленное из брёвен ложе, прицелившись в холм на другом конце поля. На испытания, конечно, сбежался весь окрестный люд, приехали даже монахи из аббатства Святого Иннокентия. Шутка ли, увидеть выстрел из бомбарды, такое можно в кабаке за деньги рассказывать, а уж наливать будут до упада. Бомбарда диковиннее Папы Римского, того можно увидеть, бывает, наезжает в столицу или кардинала какого местного выберут Папой. А вот бомбарду, стреляющую только на войне, где она стены рушит или ворота сшибает. А кто видит? Пушкари, да наёмники, все под Богом ходят, или жители осаждённого города. Тогда всё хуже, для них бомбарда верная смерть: ворота собьют, ландскнехты ворвутся с криками «в городе вино и бабы, король дал на разграбление три дня!» Поэтому на дивное зрелище спешили все, даже женщины и дети. Толпа собралась изрядная, даже больше, чем на казнь известного разбойника Лоупа, кто же не любит поглядеть казнь, тем более палач королевский, мастер каких поискать и повесит и четвертует одновременно, а шуточки какие отпускает!

Лорентин с помощником заложили привезённый пороховой заряд, подтащили и завинтили пороховую камору, помощники затолкали ядро, его отлили из чугуна, кузня его производила в невероятных количествах, даже чугунными плитами дорожки между избами проложили, куда ещё этот хлам годился? Вот ещё ядра оказалось можно отливать. Под-

кладками нацелили бомбарду, потом исправили прицел, чай не арбалет, дело хитрое, даже считали что-то на песке. Лорентин сам взял горящий пальник и запалил затравочный порох, тот с искрами и треском горел. Огонь ушёл внутрь протравочного отверстия и ничего не произошло, толпа возмущённо охнула, но тут разверзся натуральный ад! Грохот стоял невероятный, многие с непривычки попадали, многие побежали открыв рот куда глядели круглые от ужаса глаза. Дети плакали, старики крестились, я старался справиться с бесновавшимся жеребцом, двоих оруженосцев вообще кони понесли, возы торговцев сцепились. Зато Лорентин с довольной улыбкой следил за полётом ядра, оно легло точно в холм, выворотив большую сосну. В ушах стоял невероятный звон, куда там самому большому колоколу, непривычно пахло какой-то гарью, наверное, порохом. От маршала был наблюдатель, разодетый спесивый оруженосец, тот упал с коня, быстро потерял важность и радовался словно ребёнок, требуя нового выстрела. Лорентин еле растолковал бедолаге, что к вечеру бомбарда остынет, тогда можно будет отвинтить пороховую камору, почистить ствол и перезарядить орудие. Бомбарда была небольшая, поэтому скорострельная, в день можно было сделать выстрела четыре. Правда и калибр маловат, чтобы разбить стены крупного города, но ворота в средней руки замке вышибет замечательно.

Так, что Шаблизьен быстро прославился своим оружием, к зиме не приходилось возить мечи и доспехи в сто-

лицу, торговцы забирали на месте в кузнях, ещё тёплыми, приключались и драки, если товара было мало. Ещё бы, все хотели покупать бомбарды, королю и маршалу понравилась боевая машина, заодно противовесные камнемёты-требуше заказали, передвижные тяжёлые стреломёты-аркбаллисты и крепостные арбалеты, в общем, работы было много. За бомбарды, колокола и требуше платили, разумеется, огромные деньги, кузни работали иногда ночами, благо в кузне всегда темно – по свечению железа кузнец определяет насколько оно готово, потому в кузне темно хоть днём, хоть ночью. Мимоезжие путники, заплутав и попав к кузням ночью, суеверно крестились, вскоре ходить стали легенды, что сам дьявол работает здесь ночами. Это было на руку, чтобы всякий сброд или разбойники не ошивались, бомбарды дело королевское, приходилось круглосуточную стражу держать из надёжных людей.

Герцог стал наезжать постоянно, с предлогом, а больше налётами. Приходилось отпаивать вином его и быстро присмиривших оруженосцев, трепавших меня за уши когда-то. Герцог уже съел пару оленей за это время, не считая разномастной дичи. За обедом поглядывал на супружницу мою, надо сказать довольно откровенно. Вообще его светлость можно было и поучить, если сойтись на мечах, так старого пьяницу можно было одолеть. Другой вопрос скандал поднимется, герцог наверняка обидится, начнётся форменная война, опять же непонятно как отнесётся король к сваре род-

ственника с новоиспечённым бароном из крестьян. Тоньше надо к его светлости подходить – кистеньком что ли на дороге по голове отоварить? Повадилась лиса в чужой огород – я по делам – герцог в замок, а хуже, если приходилось уезжать на день-другой. Герцог тут как тут. Распорядился слуг побольше в трапезной держать, не оставлять жену с его светлостью, да сокольничего, парня не робкого десятка, предупредил, чтобы герцога, если выпьет лишнего скрутил. Проблем мне мало, пришла беда, откуда не ждали.

– А что думает Мария о вольных нравах Рима? – спросил, отпивая из кубка герцог, – говорят они не брезговали парой любовников, особенно из благородных.

– Боюсь, ваша светлость, я мало понимаю в римских нравах, – скромно сказала моя супруга.

– О, так я расскажу о римских нравах, – пробулькал из кубка герцог, – знатные дамы не брезговали пробавляться любовью за деньги вместе со своими дочерьми, обслуживая того, кто пожелает на заднем дворе, а по праздникам вообще устраивали форменные вакханалии при храмах, отдаваясь любому встречному.

– Боюсь, ваша светлость, те времена прошли, – стараясь не полоснуть мечом по улыбающейся роже герцога, сказал я, – Рим пал давно под ударами мечей варваров.

– А тебе известно, что наши предки и есть те варвары, что разрушили Рим? – весело сказал герцог, – римские нравы можно и возродить.

– Я позволю себе откланяться, – удалилась из-за стола Мария.

– Эх, Годфрид, – сказал, заваливаясь на стол герцог, явно перебравший, – хорошо здесь у тебя, вино хорошее, жена ещё лучше...

– Унесите его, – нахмурился я, приказывая оруженосцам герцога, – положите как обычно в охотничьем зале и вина на утро поставьте.

Вот однажды возвращаюсь из аббатства, тамошний настоятель весьма полюбил заказывать всяческие диковины, опять же поговорить с новым бароном считал за развлечение и мне с учёным человеком, в самом Риме учившимся, говорить полезно. Вижу у кабака герцогский конь стоит, да оруженосец спит с кувшином в руке, кабатчик от важного клиента отгонял воришек и собак. И судя по обыденности, не первый раз. Думаю, нечисто дело. Мост, понятное дело был поднят, стемнело совсем, зато калитка всюю открыта, слуги и лесники пользуются ей в темноте, а сходни убрать в случае опасности дело нехитрое. Там на случай тревоги имелся стражник, правда, возмутительно пьяный, с другой стороны какими ещё стражники бывают? Но этот напивался дорогим вином, с герцогских виноградников. Тряхнул за ворот парня, тот выпучив глаза от страха, рассказал, что ходит вечерами богатый господин в замок, вино даёт стражникам.

Понятно куда его светлость ходить изволят. То-то глазёнки крайний раз блестели подозрительно, а шуточки были из-

лишне едкими. Кровавая пелена стала застилать глаза, рука сама легла на меч, а вторая на кинжал. А впрочем, меня называли идиотом, но люди сами бывшие идиотами: громкое убийство герцога, даже на чужой супружнице будет караться отрубанием головы. А если герцог пропадёт в неизвестном направлении, тогда история повернётся совсем другим боком. Там по дороге от замка, отличный утёс есть, пьянчуги там обычно мочатся, глядя на живописные виноградники, оттуда же благородные и прочие господа не стоящие на ногах частенько падают. А чтобы герцог не промахнулся, будет кому помочь. Я решительно вошёл в спальню и увидел Марию читающую книгу. В полном одиночестве.

– А герцог где? – ошалел я.

– С Озанн в кастелянской тешится, – спокойно ответила супруга, – Аделайн, супруга герцога решила так будет удобно.

– Супруга герцога? – совсем ошалел я, – да тут целый разговор.

– А кто отвадить герцога не может? – взбеленилась Мария, – вот пришлось решать между жёнами, Озанн нравится с благородными, они подарки богатые приносят, герцог думает рога тебе наставляет, Аделайн хоть знает где супруг куролесит, Озанн девица опрятная, срамную болезнь не привезёт.

– И значит все довольны, – проворчал я.

– Не знаю, вроде муж есть, а вроде и нет, – фыркнула Ма-

рия.

– А кто начал эти игры?! – возмутился я, – у меня тоже жена вроде есть, а вроде и нет.

– Ладно орать, – задула свечу Мария, – спать ложись, поздно уже.

Таким неожиданным способом продолжилось наше существование. Герцог «внезапно» приезжал утром, весело рассказывал всяческую похабень, мы смеялись и делали вид, что отчаянно ничего не знаем о его немудрящих хитростях. Герцог искренне считал меня полным идиотом, мою жену искусной распутницей, мы в свою очередь посмеивались над недалёким и высокомерным герцогом. Его жена даже развила интригу, чтобы давать мне повод отсутствовать в замке приглашала в «гости», отчего мне приходилось отправлять своего коня и похожего внешне оруженосца с «ответным» визитом в замок к герцогу. Надо сказать, оруженосец Дезире был молод, а жена герцога хороша собой, хоть в возрасте, вскоре оруженосец наставил герцогу огромные, ветвистые как у королевского оленя рога. Поначалу хотели просто герцога подзадорить и пощекотать ему нервишки, теперь супружница его вроде как на сносях даже была, историю пришлось скрывать. Поэтому, совместные обеды, приключавшиеся по традиции на праздники в нашем замке проходили удивительно весело с остротами и двусмысленностями: герцог шутил о неверных жёнах, глядя на Марию, отдававшую распоряжения Озанн, Аделайн рассказывала ис-

тории о молодых оруженосцах, поглядывая на Дезире. Мария и я, будучи в курсе событий, находили в этом некоторое приятствие. Тем более Мария, вскоре тоже была на сносях. В общем, история достойная ярмарочного балагана. Правда быстро закончилась, Озанн сказала у его светлости получалось изредка и не сильно, а теперь вообще никакими молитвами не поднимался. Поездки герцога прекратились, все вздохнули спокойнее.

Городишко Сарж буквально после сбора нового урожая стало не узнать: даже рыночную площадь замостили. Замок, освобождающийся от лесов, стал просто чудесным и вместе с тем грозным, а знамя с драконом полоскалось на ветру, рассказывая каждому, кто здесь хозяин. Повсюду спешили с делами люди, некоторых я даже уже не знал в лицо, везли дрова, уголь, рыбу и камни, приезжали из окрестных городков и дальних хуторов за товарами. У пристани высились новёхонькие склады с товарами, стояло не меньше дюжины корабликов, на пристани вообще суета утихла сильно затемно. У столба возился на цепи очередной воришка, решивший испытать бдительность шерифа, по воришке дети кидались камнями и веселились. Овцы уже принесли обильный приплод, стадо обещало быть весьма тучным, овцы с грубой шерстью дали много тюков, а стрижку тонкорунных придётся ждать до весны. Кобылы были все жерёбые, к весне следовало ждать новых скакунов. Виноград в большинстве пристал, было много мелкого пока, его оставили на зимнее ви-

но, собирать станем после заморозков. А остальной виноград родился на диво, грозди были тяжёлыми и сладкими, вино должно получиться отменным, яблоки тоже задались, сидра хватит до весны и продажа изрядная светила. Пшеница уродилась худая, немного, впрочем, не хлебом единым жил городишко, да что там городишко – город. Причётчик намекал, мол церковь бы новую построить, раз город такой большой стал.

В городе толкалась уймаища пришлого народа, решивших поискать удачу в новом месте. Кого-то шериф выпроваживал пинками и ударами меча в ножнах, кого-то принимали мастеровые, тоже нахлынувшие в город, прослышав, что налоги будут небольшие. Здесь цеха не держали, свободно можно было открыть мастерскую или лавку, поэтому бывшие подмастерья, часто седые, не получившие клейма или звание мастера, охотно перебирались, едва прослышав о новом бароне. В здешнем королевстве народец подвижный, в иных землях многие всю жизнь за дальние нивы хутора не выезжали, здесь же многие жили пару лет в городке, а потом снимались и ехали искать долю пожирнее. Открылись мастерские шорников, подальше от города кожемяк с неистребимой вонью, справный портной объявился, одежда была отменная, Мария сразу назаказывала платьев и накидок. Даже златокузнец прибился, старик с двумя подслеповатыми сыновьями, те в возрасте, с семьями. Все они повздорили с цеховыми мастерами или с ратушей, а здесь пригодится хороший мастер, де-

ла идут хорошо, денег и товаров навалом, отчего бы лишнего мастера не приютить. Дома строились десятками, было приятно ехать по широким и чистым улицам, глядя на весёлые лица горожан, искренне приветствующих барона, несущего землям прибыль и работу.

Что уж говорить про оружейников: всевозможные торговцы возами закупали на продажу латы и мечи, прямо в мастерских. Монеты звонким серебряным ручейком и золотыми кошельками сыпался в сокровищницу. У меня была сокровищница! И постоянно пополнялась, благо окрестные бароны вооружались, а здесь производили добротное и недорогое оружие и доспехи. Сами бароны здесь могли заказать меч или латы не хуже толедских или миланских, а цена была ниже. Конечно, щеголять в доспехах из Золингена много почётнее, чем из Саржа, но добрый удар наши доспехи держали. С каждого наконечника денежка стекалась мне и тоже без дел не лежала. Братья выгодно распродавали вино и тисовую древесину, возили на продажу шерсть, привозили сюда хорошие ткани, посуду, краски, всякие диковины. Местный рынок стал очень популярен, благо ехать намного ближе, чем в столицу, выбор богатый, цены не заставляют отдавать последние портки. Да и порядок не чета столичному: по дороге не ограбят, на рынке кошелек не отнимут, худой товар не подсунут. За всем зорко следил шериф, у него в помощниках было полдюжины рейтар, они патрулировали дороги и сопровождали крупные партии товара, вешая разбойников

довольно регулярно. Даже банда Одноглазого Жилия наведалась.

– Эт, твоя милость, – подошёл несмело бочком торговец, – слышал Одноглазый Жиль хочет обоз разграбить с оружием.

– И сам тебе Одноглазый сие поведал? – спросил я недоверчиво, разглядывая поверх его головы суетливую рыночную площадь.

– Твоя милость, давеча в кабаке был, натуральное воровское место, мы туда изредка вино привозим, – тихо в бороду пробурчал торговец, – двое изрядно напились и хвалились промеж собой как пограбят обоз, дескать, больно жирное баронство, нужно укоротить.

– Укоротить сказывают, – положил я руку на меч, – какой обоз грабить станут?

– Почём я знаю! – всплеснул руками торговец, – с оружием сказывали.

– Узнай тихо у Лорентина когда обоз с оружием крупный оправляется, – распорядился я толковому мальцу, метящему в оруженосцы и обратился к Гонсало, – приготовь своих ребят, скоро разомнёмся.

– Всегда готовы, сеньор, – улыбнулся и сверкнул серьгой кондотьер.

Приезжало много наниматься, однако Гонсало де Кордова понравился сразу: загорелый, в широкополой шляпе, с огромным мечом, в тёмных одеждах. Обычно банда рядится в жёлтое, красное, зелёное, синие, лишь бы поцветастее,

как сказал император Максимилиан: век наёмника недолог, пусть хоть пёстрые одежды буду им в утешение. Да, надо сказать и сам император не брезговал одеваться как ландскнехты его армии, короли и даже королевы носили такие платья. Не таким был отряд Гонсало: собранные, дисциплинированные, одетые в тёмные цвета, оружия и доспехов в избытке, всё в идеальном состоянии, лошади не хромые, много выучных. Девочек не зажимали по подворотням, в кости играли спокойно, пили, как водится много, но поножовщины себе не позволяли, имели много арбалетов, причём по щитам было видно, служили при генуэзских арбалетчиках. А что такое генуэзские арбалетчики? Одни из самых дорогих и дисциплинированных наёмников, они себе в помощники абы кого брать не станут. Эти конечно были подешевле генуэзцев и давно сидели без дела, немного поиздержались, поэтому достались по сходной цене. Впрочем, иберийские наёмники всегда стоили немного, тамошний король армию содержал абы как, зато воевать приходилось много и отчаянно. Может они редко моются, много пьют и могут дерзить начальству, зато если доброе сражение в пути – не разбегаются. Видал я таких в атаке против Захары, я сопровождал тогда его светлость в походе, кастильские войска стояли против сарацинов храбро и стойко, хотя были вооружены слабо. У наёмников Гонсало тоже было много этих щитов-сердец называемых адарга из толстой буйволиной кожи.

Глава 7

Что есть государство без правосудия? Шайка разбойников, да и только

Аврелий Августин

– Уже нас таки хотят пограбить? – тихо спросил, умываясь Лорентин, как я приключился в мастерских.

– Я полагаю, мы что-нибудь придумаем, – кивнул я.

– Покажу одну диковинку прямиком из Чёрной Армии самого Матгьяша Корвина, – принимая от мальчика чудную штуковину сказал мастер, – аркебуза!

– Аркебуз – это же арбалет, только со стволом и стреляющий пулями, – не понял я, – у этого где дуги?

– Это маленькая бомбарда, – хитро улыбнулся мастер, поманив за собой и раздувая фитиль, – вон там кираса бракованная, будет громко.

И действительно, тихой штуковину назвать было сложно: местные-то попривыкли, а лошади пытались разбежаться, причём всеми четырьмя копытами в разные стороны. Кираса тоже звякнула будь здоров, пробитая каменной пулей. А мастер, взяв длинную палку с ёршиком, засунул её в ствол диковине, почистил от нагара, из рога насыпал серого порош-

ка, той же палкой затолкал в ствол войлочный кругляк, закатил в ствол новую пулю и таким же кругляком с помощью той же палки прибил. Сыпанув справа на полку немного пороха и прочистив затравочное отверстие небольшим шилом, он раздул фитиль, прицелился и выстрелил. Лошади снова прижали уши и старались сорваться с коновязи, кираса снова звякнула и сильно прогнулась.

– Экая штука, – со звоном в ушах сказал я, – значит латы пробивает, а ну, дай попробую.

– Наши латы не пробивает, миланские или максимилиановские понятное дело тоже не пробивает, – сказал мастер, помогая зарядить новую машину, – ага, чистим, сыплем немного пороховой мякоти, а то разорвёт, вот, хватит, пыж прибиваем шомполом, пулю держи твоя милость, да, чтоб не выкатилась второй пыж прибиваем, порох на полку досыпаем, следим за фитилём, замок взводим.

– И отдачи почти нет, – поглядел я на оружие, нажав на спуск и произведя очередной грохот, – только не попал.

– А это как водится, – хмыкнул Лорентин, – навык нужен, там прицел сверху, мушку с целиком совмещаем, ба-бах и рыцарь падает простреленный с пятидесяти шагов.

– Слова-то мудрёные, – сказал я передавая мастеру оружие, – шомпол, целики...

– Так немецкие, северяне-то удумают вечно, незабудка у них: фергиссмайннихт, – огладил бороду мастер, – главное палит изрядно, Корвин ставил по четыре аркебузира в отряд,

можно десятую часть отряда вооружить, если солдаты с пиками, да алебардами, тогда можно рыцарей не бояться вовсе.

– Да холм какой оседлать или в болотистой местности, – покивал я, – ям накопать, да брёвнами перегородить, я такое у швейцарцев и ландскнехтов видал.

– Видать в соседних землях несладко, мастеровые бегут почитай каждый день, – поглядел на подходившего Гонсало мастер, – можно сказать, образовался цех, не хуже Пассау, даже Золинген переплюнуть можем, поставлю аркебузы дюжину человек ладить.

– А ствол такой как делать? – спросил я, глядя на многогранную стальную трубку, – остальное-то понятно – деревяшка, фитиль, да скоба.

– Кузнечная сварка, примитив, – махнул рукой Лорентин, – вот замок посложнее, однако мысли есть, нужно калибр увеличить, длину ствола, пуля будет больше, правда держать тяжело, думаю сошку нужно подставлять.

– Аркебуза? – кивнул подошедший Гонсало, – удачно мы сюда притопали, обычно бомбарды и аркебузы покупают за золото, вы делаете их из ржавой земли и пережженного дерева.

– Не всё так просто, – улыбнулся я, точно зная, каких трудов и сколько денег стоило мастерам и лично мне пушечный двор, – думаю тогда оснастить десятую часть отряда аркебузами помощнее и пики длинные в три человеческих роста.

– Можно и подлиннее, – кивнул Гонсало, – у швейцарцев

длиннее четырёх ростов бывают, мои ребята дюжие, совладают.

– Трёхчетвертной пуленепробиваемый доспех можно изготовить для первых рядов пикинёров, – сказал мастер, – тогда вообще построившись вас никакой силой не одолеть.

– Любого можно перебить, мастер, – вздохнул я, припомнив тяжкие поражения нашего королевства в прошлом, про что долгими зимними вечерами рассказывал святой отец, сам некогда повоевавший изрядно, – да, трёхчетвертные доспехи мастерим.

– Там, Гонсало, сказывают обоз хотят ограбить, – кивнул мастер.

– Никак Одноглазый Жиль, – ухмыльнулся испанец, – отчаянный головорез, нужно засаду устроить, пошлю разведчиков.

– Да, правильно, шерифу не говорите, – кивнул я, – поглядим не вместе ли орудуют с Одноглазым, больно ловко получается мелкую шушеру ловить, а банда Жилиа дважды взяла хороший куш у торговцев, хорошо в чужих уже землях.

– Немцев пошлю, – кивнул Гонсало, – они по здешнему слабо говорят, зато глазастые черти.

Разведка доложила вскоре: солдаты выследили лагерь Одноглазого, они довольно вольготно расположились неподалёку от городка. Разъезды их волшебным образом не замечали, а третьего дня сам шериф пожаловал, узнав от Лорентина про выезжающий с дорогими мечами и доспехами

обоз. В лагере стояли не все разбойники, поэтому решили на возки посадить стрелков, а следом пустить конных чуть поодаль, как засада приключится, так ударить, чтобы прибить всю шайку. Волы неторопливо двигались, засада терпеливо ждала, благо давно облюбовала местечко, где легко поваленными деревьями остановить возы, да перестрелять всех из кустов. За разбойничками наблюдали глазастые немцы, чтобы те не разбежались до времени, дюжину опытных солдат отправили лесом, чтобы ударить в спину нападающим. Я вроде как заинтересованный рассказом лесничего о дивном крупном олене, собрал в замке небывалую охоту, взял охотничий рог и собак, да сокола линялого, что от герцога достался. Его светлость много раз корил себя, что сокола отдал – знатная зверюга был, волка не волка, лисицу мог заклевать с одного удара. Их привозили откуда-то с востока, там соколы были мощными и умными. Конечно, охотиться мы бросили очень скоро, снарядившись в латы, заранее отправленные возками на укромную полянку. Обождав обоз, мы двинулись следом, встретив по дороге дозорного, тот рассказал, что разбойничков прибыло, даже шериф присоединился с рейтарами. Уже хорошо, ловить, чтобы повесить не придётся.

Было прохладно, хотя светило яркое солнце, но это хорошо, толстый акетон под доспехами можно носить даже зимой, летом пот струится рыцарю прямо по спине на портки, благо задницы-то известно доспехами не защищается – сед-

ло её хранит. За день пути, отряд, даже постиравшийся накануне, начинает смердить хуже лесного зверя. А зимой рыцарские законы воевать не велят, хотя удобно – реки замёрзли, попадёшь куда хочешь, ночевать, правда, в поле зябко, однако малыми переходами вполне удобно. На востоке постоянно зимой воюют, а там зимы лютые, да северяне не брезгуют кампанию зимой провести. Помнится монголы заявили, едва к нам не дошли, святой отец сказывал, тем ихний король вообще наказывал зимою воевать. Лошадёнки у них низкорослые, как лоси кору жрать горазды, да траву из-под снега копытить, налегке, со сменными и выючными лошадками могли тремя колоннами ринутся через половину королевства, да собраться внезапно где-нибудь войском в десяток тысяч сабель. А страшнее всего их луки, был у меня монгольский лук, пока оруженосцы не отобрали – бил дальше аглицкого лонгбоу, прошибал рыцарский щит насквозь. Кстати о луке, надо бы заказать похожий на монгольский лук, византийцы такие делают, поплоше конечно, но очень мощные. Хотя, если аркебузами вооружиться, может лук будет лишним.

Мы с Гонсало и пятерыми его людьми вооружились аркебузами, чтобы испытать диво в реальном бою. А то стрельбище это всегда хорошо при городской ярмарке, с луком все мастера в яблочко попадать, другое дело в дождь атаковую рыцарскую конницу увидеть, со всеми флажками, боевыми собаками, трубами. Лучники хороши если много, од-

ного лучника рыцарь затопчет не заметив, а тысяча лучников стоят сотни рыцарей. Вот поглядим, как аркебуза себя поведёт, что с ней в дождь делать? Наверное, широкополую шляпу нужно завести и кожаный плащ, чтобы сверху на фитиль не капало и запасной фитиль иметь неплохо, да кресало. А порох во флягу пересыпать, рог больно неудобно таскать и может ремень к аркебузе приделать? Куда её девать, не в руках же возить в седле, можно конечно сделать ножны, англи их хольстерами называют или кобур, так восточные кочевники зовут. Но седло будет перекашивать, не две аркебузы же возить. А если сделать короткие аркебузы, да повесить по обе стороны седла в этих хольстреах-кобурах? Пистоль такая аркебуза называлась вроде? Дальность поди меньше, зато в седле заряжать удобнее, опять же два выстрела? Надо с Лорентином поговорить, вроде конные рыцари побогаче, даже двухствольные пистолы носили, его светлость новинки не жаловал, поэтому видал такое издали в походе. Конечно, в руках не держал, куда мне от конюшни на дюжину шагов отлучиться. Захваченный такими мыслями, не заметил, как подкатили к засаде. Судя по крикам и воплям, началось!

– Атакар! – негромко приказал я по-испански, поднимая лошадь на галоп, своей разноязычной банде.

Мы слаженно догнали обоз, естественно застрявший перед срубленными деревьями, дорога была узкая, даже сзади деревья рубить не требовалось, обоз застрял намертво. Чтобы не обстрелять своих, разбойники били по возкам из лу-

ков и швыряли копья только с правой стороны, где были кусты. Возки были утыканы стрелами, порвавшими полотняный верх, картина полного разгрома. С другой стороны, кто охотник и кто добыча? Внутри возков с толстыми деревянными стенами в хорошем доспехе сидели опытные наёмники, укрытые теми самыми щитами из толстой воловьей кожи, где любая стрела заседала намертво. Возницы были тоже в доспехе, скрытом под одеждой, он при обстреле тоже уходил в возок. Задача наёмников была отсидеться до нашего прихода и атаковать если смогут, а глянув в глаза этим испытанным Вьеха ратта, как называли ветеранов в Испании, думалось отсидятся и ударят, как настанет миг. Под обстрел могли попасть только кони, но разбойники целили в возки, кому охота на себе тащить возок вместо убитой лошади с ценной добычей?

Мы спешили, ноги рыцарских коней ещё сломать не хватало о пень какой, выстроились с аркебузами в ряд и дали залп. Надо сказать, эффект был ошеломляющим: кони взбесились, кроме наших, уже пообвыкших к грохоту бомбард и аркебуз, благо мы потратили четверть запаса пороха для тренировок. Оказалось, кстати, не сложнее арбалета оружие, конечно, бывают осечки, а бьёт посильнее и точнее. Разбойники стрельбу прекратили, озираясь и глядя на небо в поисках грозы. Часть начала убегать, тут показались мои люди из возков, начавшие стрелять из арбалетов, их прикрывали щитами возницы. Разбойники были так ошеломлены убитыми

небесным громом, что едва трое продолжали обстрел, они же быстро получили арбалетные болты в упор. Вот не зря про ремень подумал, бросив оруженосцу аркебузу, я на ходу вынимая меч бросился в самую гущу разбойников, не обращая внимания на стрелы – доспех мог сдержать пулю. Конечно, видно в прорези шлема немного, слышно ещё меньше, но разбойники метались, стараясь избежать доброго полуторачника. Разбойники бежали, видно было, что посланные в засаду их встретили дружным залпом из луков, а потом добавили. Теснимые со всех сторон разбойники, постепенно редели, убитые стрелами и болтами. Ещё сопротивлялся шериф, имевший неплохой доспех и Одноглазый, защищённый не хуже иного рыцаря. Мы с Гонсало, невзирая на отсутствие щитов, быстрыми ударами разбили щиты противников, затем ударили по самим разбойникам, испанец захватил боевой топор полэкс, им даже короли не брезговали. Окованное топорище звякнуло об меч и вошло шерифу в бедро, а Одноглазого я поймал на детский приём из Фехтбуха. Всё же фехтование стоило изучать: Венецианская школа сказывают есть, да Генуэзская, для кого всё это пишут? Конечно, простой разбойник и книга, наверное, картина невероятная, но даже я листал Фехтбух его светлости. В общем, победили мы, отделавшись двумя ранеными и то несильно. Разбойничков положили всех, как одного.

– Да, пистолы надо смастерить, – кивнул мастер, как вернулись с избиения разбойников, – двухствольные, а замки

разнести, чтобы искра не попала, если ветер будет.

– Повесить у седла попарно и будет удобно, – сказал я, – офицеров нужно вооружить такими.

– Сделаем, пока с механизмами замков бьёмся, – махнул рукой Лорентин, – как аркебузы?

– Не знаю скольких застрелили, – покивал я, – однако испугались крепко, думали видать господь за nepотребство карает.

– А не господь ли дал твоей милости аркебузу в руки, – хмыкнул мастер, – пойду работать.

– И не богохульствовать при этом, – нахмурился весьма набожный Гонсало, – виданное ли дело о помыслах божьих рассуждать!

– Раз мы живы, а противник мёртв, – улыбнулся я, – значит Бог нам благоволит.

– И то верно, – сняв шляпу перекрестился и поглядел на небо испанец, – мои парни говорят, что после доброй победы жалование бы повысить.

– Хитрые какие, – ухмыльнулся я, – будет война, будет военное жалование и добыча.

– Попробовать стоило, – улыбнулся Гонсало, – ребята уже засиделись.

– Не заржавеют, – нахмурился я, вспомнив про баронские обязанности выставлять королю отряд, – скоро общий смотр, будем хорошо укомплектованы, подбросят деньжат, будет с чего платить жалование.

– С таким мастером, – глянув на покрикивающего Лорентина, сказал Гонсало, – доспехов и оружия будет много.

– Он мастерит не бесплатно, – вздохнул я, – дешевле конечно и лучше делает соседских мастеров, но я покупаю доспехи, тратя деньги от вина и помола, хорошо винограда и яблок много, да налоги подоспеют, но доходы поместья не такие радужные, как считается.

– На то, барон, ты голова, – хлопнул меня по плечу испанец, – про тебя легенды в городке рассказывают, да что там, в столице про тебя слыхивал, потому и приехал.

– И что говорят? – полюбопытствовал я.

– Что сотню драконов убил, будучи оруженосцем герцога, рыцарем стал где-то в сарацинских землях, – разгибал пальцы испанец, припоминая истории рыночных торговцев, – что жену у дракона отбил, принцессу вроде варварскую, простой люд не обижаешь, каждому жильё и работу найдёшь.

– Брешут, – просто сказал я.

– Понятно, что брешут, – улыбнулся Гонсало, – у нас тоже легенды ходят о добрых рыцарях, что имущество беднякам раздают, да сарацинов с драконами убивают ежедневно.

– Дались им сарацины, – вздохнул я, – люди как люди, Бога славят, живут честно, свинину не едят и вино не пьют, это да.

– Кстати о вине и кабанятине? – потёр руки испанец, – пир?

– Не такая уж победа, – вздохнул я, – впрочем, бочка вина

и кабанчик с меня.

– А говоришь имущество беднякам не раздаёшь, твоя милость, – хохотнул испанец, – гуляй банда!

Вскоре, благо аркебузы быстро прижились, солдаты начали щеголять в широкополых шляпах, чтобы прикрывать в дождь фитиль. Некоторые, правда, одну полу завернули и прикрепили булавкой, чтобы удобнее было целиться. Правда, кто возил аркебузу в седле, широкополую шляпу недолюбливали – к аркебузе для удобства перевозки приделали ремень, чтобы закидывать оружие за спину, так ствол норовил сбить шляпу. Конные стрелки предпочитали шапки без полей или небольшие шлемы без забрала. С аркебузами быстро освоились, будто не диковина это какая, а привычное всем оружие, даже лошади в Сарже не вздрагивали от выстрелов, а жители вообще на пальбу внимание не обращали давно, занятые своими делами.

Глава 8

Рыцарские времена не прошли. Просто драконы стали другими.

Артур Конан Дойл

Завёлся в окрестностях дракон, отписался его светлости, однако наш драконоборец что-то забарывать чудовище не торопился. Вообще последнее время герцог сдавать начал или просто раньше я глядел на его светлость как на бога? Мне казался сей достойный муж неутомимым, воинственным, охочим до женщин и выпивки – настоящим благородным рыцарем. А получалось: герцог малограмотный, глуповатый, обделённый мужской силой и трусоватый малый, хоть совсем не старый. Конечно, над слугами и псарями лютовать мастер, а давешнего герцога Этьенского забоялся на копье принять. Надо сказать, герцог был хорош для турниров, однако побеждён драконодавом, а значит негодной выучки. Поэтому без его светлости пришлось отправляться в поход.

Дракон успел сожрать парочку тонкорунных овец, чем лишил меня пары золотых экю, впрочем, драконова шкура будет стоить три сотни двойных экю. Известное дело, что требуется для забарывания дракона: пара дюжин рыцарей с ко-

пьями, половина естественно погибнет. Или один искусный копейщик, может немного обгореть, но справится с драконом. Самое трудное – найти дракона, скотина постоянно куда-то летит, может уклониться от боя, спрятаться. Драконы они вообще разные: зелёные – молодые и слабые, редкие красные, тоже слабые, золотые – слабые, но шкура ценится дороже чёрных, а самые сильные конечно чёрные. Понятное дело, чёрный дракон решил овец моих пожрать. Скакали неделю, всё твари на месте не сиделось. Хорошо никого не порешил, только корову задрал, да зайцев и кабанов без счёта. Сожрёт кого и спать, дня три может отлёживаться. Места у нас глухие, хуторов немного, пока крестьяне выследят логово, пока расскажут разъезду рейтарскому, чудище куда улетит. С другой стороны дракон летал кругами, можно сказать вокруг холма Святой Лусии, поэтому решили ловить дракона на барана. Драконы, как известно страшно любят баранину, особенно если баран мощный, бодучий и овец кроет помногу. С другой стороны его светлость тоже бараньи яйца любил жареные, говорил мужской силы прибывает, впрочем, судя по последним сведениям, даже если оставить всех баранов герцогства без бубенчиков, силы у его светлости слабые.

Баран попался такой, что боевого рыцарского коня мог забороть, еле привязали к врытому столбу. Животное злобно пялилось, разбегалось и старалось забодать проезжавших мимо, только прочная верёвка сдерживала этот комок нена-

висти, глядящий налитыми кровью глазами. Присланный из аббатства монах, призванный задокументировать наш славный поход даже прочитал изгоняющую злых духов молитву над бараном, отчего тот стал беситься ещё больше. Если на такую лакомую добычу не прилетит дракон – значит я в драконах ничего не понимаю. И правда – прилетел – только зелёный. Здоровенный такой, приземлился подле барана, потоптался, а баран как разбежался, да дракона прямо в брюхо и боднул. Надо сказать, дракон подпрыгнул от неожиданности и обиды, запутался в крыльях, упал и завыл. Баран же разбежался ещё раз и боднул дракона вбок. Дракон сел пособачьи с таким обиженным видом, что хотелось бедолагу пожалеть. Но, хоть дракон был не тот, пришлось стрелять в него из кулеврины – этакой маленькой бомбарды или огромной аркебузы. Решили испытать новинку на драконах – копья ломать в просвещённые наши времена уже было дурным тоном. Кулеврина была спешно заряжена каменным ядром, установлена на сошку и пока дракон плакал от обиды, а баран готовился снова боднуть дракона, я прицелился и выстрелил.

Кулеврина лягается как мул, приходилось стрелять, положив огромную подушку, но всё равно рука немела, в ушах стоял грохот, воняло жжёным порохом и пыжом. Баран, надо сказать, оказался стойкой скотиной – он презрительно поглядел на меня, затем перевёл взгляд на дракона. Тот упал, как подкошенный, не оправившись от атаки барана, видимо даже не понял, откуда ему смерть вышла. Ядро попало точно

в грудь, сердце у драконов правее сильно, почти в середине и ниже человеческого. В голову стрелять бесполезно, мозг у дракона упрятан в толщине кости, глаза тоже закрываются толстыми костяными пластинками, много рыцарей полегло, стараясь отрубить дракону голову или проткнуть в глаз. Опять же, если дракон атакует – делает это зверюга быстро, по шее не попасть, зато огненная струя, когти и хвост в избытке рыцарю достаётся. Помнится аглицкие лучники, похваляясь, что резали как свиней рыцарей, вышли супротив дракона – утыкали как подушечку для булавок, а всё одно дракон их сожрал вместе с луками. А убил дракона тогда справный рыцарь как положено копьём.

Баран продолжал бесчинствовать, еле утащили дракона, чтобы снять шкуру. Вечерело, всем хотелось есть, поэтому решили обедать драконятиной. Вообще мясо на любителя, мало кто готовил драконятину, наверняка, если вымочить его вонючее мясо в настое трав, да пожарить с сельдереем на масле с грибами, поди толк выйдет. А если пробовали, как мы, просто на углях запекать – жёсткое, отдаёт волчатинной, готовится долго, снаружи обгорает, внутри с кровью. На этот раз много было сковородок и котлов, были и оруженосцы и рейтары и крестьяне в походе, поэтому решил выдать всем разных кусков туши и велел приготовить по-разному. Нарезали кусков с хвоста, бёдер, груди, оруженосцы решили даже сердце и печень непременно съесть, чтобы значит силой чудовища напитаться. По мне так герой нашего похода

да баран – вон как тарашится буркалами своими, готов всех забодать. Может на барана, а может на запах разделанного дракона прибыл чёрный дракон. Баран, надо сказать, в шоке присел сам теперь навроде собаки и застыл, не моргая.

Тварюка была удивительно красивой и грозной: огромный, лоснящийся, когти размером с барана. Видимо дракон был весьма молодой – ни шрамов, ни следов былых сражений. Дракон заходил на посадку, раскинув свои гигантские крылья, его лапы едва касались земли, воздух от взмахов разметал несколько костров и опрокинул приготовленные котелки. Люди и кони в ужасе разбежались, дракон заревел, казалось, земля сотряслась от его могучего рыка. Пасть чудовища показала клыки, размером с добрый полутораручный меч, под бронированной чешуёй ходуном ходили могучие мышцы. Хвост чудовища, усеянный острым гребнем, оставлял на земле глубокие борозды. Лагерь в единое мгновение был попросту разгромлен, большинство коней унеслось, вырвав коновязь, крестьяне вперемешку с оруженосцами бестолково метались.

– Дезире – копьё! – воскликнул я спокойно наблюдавшему за моей спиной картину оруженосцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.